

Джон Норвич
Расцвет и закат Сицилийского королевства.
Нормандцы в Сицилии. 1130–1194

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=616915

Расцвет и закат Сицилийского королевства. Нормандцы в Сицилии. 1130—1194 / Пер. с англ. Л.А. Игоревского.: Центрполиграф; Москва; 2005
ISBN 5-9524-1752-3

Аннотация

В книге рассказывается о том, как в поисках славы и удачи нормандцы прибыли на юг Италии, где под властью сарацин, раздираемая на части местными правителями и церковниками, изнывала Сицилия. Медленно, но неотвратимо шел процесс объединения государства. Не было народов второго сорта: нормандцы, итальянцы, лангобарды, сарацины, греки – всем следовало сыграть свою роль. Звезда Отвилей, столь ярко вспыхнувшая над тремя континентами, угасла менее чем через два столетия.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	36
Часть вторая	48
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Джон Норвич

Расцвет и закат Сицилийского королевства. Нормандцы в Сицилии. 1130—1194

Часть первая УТРЕННИЕ БУРИ

Глава 1 ЦЕНА КОРОНЫ

Сколько ужасных тревожений произошло от великого столкновения, когда сын Петра Леони выступил с севера против благословенной памяти Иннокентия... Не унесло ли с собой его падение часть звезд?

Иоанн Солсберийский Polycraticon, VIII, xxiii

В день Рождества 1130 г. Рожер де Отвиль был коронован королем Сицилии в кафедральном соборе в Палермо. Прошло сто тринадцать лет с тех пор, как первые группы молодых нормандских авантюристов прибыли на юг Италии – якобы в ответ на призыв о помощи, обращенной к ним лангобардскими националистами в пещере Архангела Михаила на горе Монте-Гаргано, но в действительности в поисках славы и удачи; шестьдесят девять лет минуло с того момента, как армия дяди Рожера, Роберта Гвискара, герцога Апулийского, впервые высадилась на сицилийской земле. Бесспорно, продвижение было медленным; в тот же период Вильгельм Завоеватель подчинил себе Англию за несколько недель. Но страна, доставшаяся Вильгельму, была централизованным, хорошо организованным государством, с уже достаточно сильным нормандским влиянием, в то время как Роберт и его товарищи столкнулись с полнейшим хаосом – южная Италия, раздираемая на части притязаниями папства, двух империй, трех народов и множества возникающих, исчезающих и меняющих свои очертания княжеств, герцогств и мелких баронств; Сицилия, которая томила два столетия под властью сарацин, где греческое христианское меньшинство оставалось беспомощным, пока алчные местные эмиры непрерывно грызлись за власть.

Мало-помалу устанавливался порядок. Отец Рожера Рожер I, великий граф Сицилии, потратил последние тридцать лет своей жизни на то, чтобы объединить разные области острова и различные народы, его населяющие. С прозорливостью, редкой для его времени, он понял с самого начала, что именно здесь лежит единственная надежда на успех. Не должно быть сицилийцев второго сорта. Каждому народу – нормандцам, итальянцам, лангобардам, грекам, сарацинам – следует отвести свою роль в новом государстве. Арабский и греческий, наравне с латынью и нормандским диалектом французского, стали официальными языками. Грек получил должность эмира Палермо – этот красивый и звучный титул Рожер не видел оснований менять; другому греку был препоручен быстро растущий флот. Контроль за казначейством и чеканку монет граф отдал в руки сарацин. Особые сарацинские подразделения были созданы в армии; они быстро снискали себе отличную репутацию благодаря своей преданности и организованности и сохраняли ее в течение столетия. Мечети по-прежнему

наполнялись толпами правоверных, и одновременно по всему острову возникали христианские церкви, и латинские, и греческие, многие из которых основал сам Рожер.

Мир, как всегда, способствовал развитию торговли. Узкий пролив, очищенный наконец от сарацинских пиратов, вновь стал безопасен для судоходства; Палермо и Мессина, Катания и Сиракузы стали первоначальными пунктами на пути в Константинополь и новые королевства крестоносцев в Леванте. В результате к моменту смерти великого графа в 1101 г. Сицилия его трудами превратилась в страну разнородную по населению, религиям и языкам, но объединенную верностью своему христианскому правителю и обещавшую в скором времени стать самым процветающим государством Средиземноморья, если не Европы.

Рожер II продолжил его дело. Он хорошо подходил для этой роли. Рожденный на юге от итальянской матери, воспитанный греческими и арабскими наставниками, он вырос в космополитической атмосфере терпимости и взаимоуважения, созданной его отцом, и интуитивно понимал сложную систему ограничений и уравнивающих воздействий, от которой зависела внутренняя стабильность его страны. В нем мало что осталось от нормандского рыцаря. Он не обладал ни одним из тех бойцовских качеств, которые принесли славу его отцу и дядям и на памяти одного поколения прославили безвестного нормандского барона по всему континенту. Но из всех братьев Отвиль только один, его отец, дорос до государственного деятеля. Остальные, даже Роберт Гвискар, при всей своей гениальности до конца оставались воинами и людьми действия. Рожер II был другим. Он не любил войну и, не считая пары злосчастных экспедиций своей юности, в которых он не принимал личного участия, по возможности ее избегал. Южанин по внешности и восточный человек по темпераменту, он унаследовал от своих нормандских предков только энергию и честолюбие, которые сочетались с его собственным дипломатическим даром; и эти качества в гораздо большей степени, чем доблесть на поле битвы, позволили ему приобрести герцогства Апулии и Калабрии и таким образом в первый раз со времен Гвискара объединить южную Италию под властью одного человека.

На мосту через реку Сабато, за стенами Беневенто на закате 22 августа 1128 г. папа Гонорий подтвердил права Рожера II на три герцогства; и тот поднялся с колен одним из самых могущественных правителей Европы. Имелась только еще одна цель, достигнув которой он мог бы держаться на равных с другими государями и окончательно утвердить свою власть над новыми южноитальянскими вассалами. Этой целью была королевская корона; и через два года Рожер ее получил. Смерть Гонория II в начале 1130 г. привела к спору за папскую кафедру, в результате чего два кандидата были одновременно возведены на престол святого Петра. История этих двух избраний уже рассказывалась, и нет необходимости повторять ее в деталях; достаточно заметить, что и то и другое происходило в нарушение установленных правил и теперь трудно решить, кто из соперников имел больше прав. Первый избранник, принявший имя Иннокентий II, вскоре склонил на свою сторону весь континент, его соперник, Анаклет II Пьерлеони, пользовался поддержкой в Риме, но и только; как многие его предшественники, он в трудную минуту обратился за поддержкой к нормандцам, и сделка состоялась. Рожер обещал Анаклету свою поддержку; в обмен на это и под сюзеренитетом папы он стал королем одного из трех обширнейших королевств Европы.

Соглашение было, строго говоря, даже более выгодно для Анаклета, чем для Рожера. Он имел изначально достаточно сильную позицию. Его избрание было неканоничным, но не более, чем у его соперника, и определенно отражало взгляды большинства курии; при любом свободном голосовании всех кардиналов Анаклет легко вышел бы победителем. Даже в сложившейся ситуации он был провозглашен двадцатью одним из них. Его набожность была всеми признана, его энергия и способности не подвергались сомнению. Почему же, в таком

случае, всего через четыре месяца после того, как жалкий Иннокентий вынужден был бежать из города, Анаклет, в свою очередь, ощутил, что почва уходит у него из-под ног?

Частично следует винить его самого. Хотя он подвергался таким поношениям, что теперь почти невозможно составить четкое представление о его характере, ясно, что он был снедаем честолубием и не очень разборчив в средствах при достижении своих целей. При всех его реформистских симпатиях он не колеблясь использовал огромные богатства собственной семьи, чтобы купить поддержку аристократии и народа в Риме. Нет основания предполагать, что Анаклет был более испорчен, чем большинство из его коллег, но слухи о его подкупках усердно распространялись его врагами, которые дополняли их зловещими рассказами о разграблении церковного имущества подвластных ему римских церквей; и они находили благодарную аудиторию в лице тех обитателей северной Италии и других стран, чьи уши не были оглушены бряцанием золота Пьерлеони. Парадоксальным образом Анаклет тоже оказался в ловушке – ибо его должность и обязанности держали его в Латеране, пока Иннокентий ездил по Европе, собирая сторонников. Но все эти соображения отступали на второй план перед одним обстоятельством, которое, будучи брошено на чашу весов, перевесило все остальное, вместе взято, и окончательно разрушило амбиции и надежды Анаклета. Это был Бернар Клервоский.

Святому Бернару было сорок лет, и он являлся подлинным властителем душ во всей Европе. Объективному наблюдателю XX в., свободному от воздействия поразительной магнетической силы его личности, силы, позволявшей ему без труда главенствовать над всеми, с кем входил в соприкосновение, Бернар кажется не слишком привлекательной фигурой. Высокий и изможденный, с лицом постоянно омраченным телесными страданиями – следствие жизни, проводимой в жесточайшей аскезе, он был снедаем слепым религиозным рвением, которое не оставляло места терпимости или умеренности. Его общественная жизнь началась в 1115 г., когда настоятель Сито англичанин Стефан Хардинг удачно освободил Бернара от необходимости соблюдать предписанный распорядок монастырской жизни, отправив основывать дочернее аббатство в Клерво в Шампани; с этого момента, отчасти против его воли, влияние аббата Клерво стало расти; и последние двадцать пять лет жизни он постоянно ездил, проповедовал, порицал, убеждал, спорил, писал бесчисленные письма и решительно ввязывался в любую ссору, которая, как ему казалось, затрагивала основные принципы христианства.

Папская схизма была как раз таким случаем. Бернар не колеблясь провозгласил себя сторонником Иннокентия и начал борьбу не на жизнь, а на смерть. При этом он руководствовался, как всегда, собственными чувствами. Кардинал Аймери, папский секретарь, чьи интриги в пользу Иннокентия стали причиной всего спора, был близким другом Бернара. Анаклет, с другой стороны, являлся выходцем из монастыря Клуни, ненавидимого Бернаром за то, что тот предал реформистские идеалы и поддался искушению богатством и светскостью, с отрицания которых начинали его основатели. Еще хуже – Анаклет был еврейского происхождения; как Бернар позже писал императору Лотарю, «если отпрыск еврея захватит престол святого Петра, это явится оскорблением для Христа». Вопрос о национальности самого святого Петра проповедника, кажется, не занимал.

Когда в начале лета 1130 г. французский король Людовик VI Толстый собрал церковный собор, чтобы получить рекомендацию, кого из двух кандидатов ему следует поддержать, Бернар явился туда во всеоружии. Правильно рассудив, что обсуждение вопроса о каноничности самих выборов принесет ему скорее вред, чем пользу, он немедленно перешел на личности и начал с такой брани, что в представлениях его аудитории давний и повсюду уважаемый член коллегии кардиналов к вечеру превратился едва ли не в Антихриста. Хотя записей заседания в Этампе до нас не дошло, одно из писем аббата, датированное этим временем, вероятно, передает сказанные слова достаточно точно.

Приверженцы Анаклета, пишет он, «заключили соглашение со смертью и вступили в сговор с адом... Отвратительное запустение установилось в Святом месте, ради овладения которым он предал огню святилище Бога. Он преследует Иннокентия и всех невинных («Иннокентий» по-латыни «невинный». – *Примеч. пер.*). Иннокентий бежал перед ним, ибо, когда Лев рычит (обыгрывание имени Пьерлеони), кто не испугается? Он исполнил повеление Господа: «Когда вас преследуют в одном городе, бегите в другой». Он бежал и своим побегом по примеру апостола доказал, что он сам апостол».

В наше время трудно поверить, что подобные казуистические инвективы могут приниматься всерьез и, мало того, вызывать далеко идущие последствия. Однако Бернар главенствовал на соборе в Этампе, и благодаря ему притязания Иннокентия II получили официальное признание во Франции. Убедить Генриха I Английского оказалось еще проще. Поначалу он колебался; Анаклет был папским легатом при его дворе и его личным другом. Бернар, однако, нанес ему по этому поводу специальный визит, и Генрих уступил. В январе 1131 г. он послал Иннокентию дары и принес ему клятву в Шартрском соборе.

Оставалась последняя проблема – империя. Положение Лотаря, короля Германии, было трудным. Сильный, гордый, упрямый человек шестидесяти лет, он начал жизнь мелким дворянином; его избрали монархом в 1125 г. во многом благодаря влиянию папской партии, действовавшей в содружестве с кардиналом Аймери. Поэтому он должен был благосклонно относиться к Иннокентию. С другой стороны, Анаклет только что прислал необычайно любезные письма ему самому, его королеве, а также духовенству и мирянам Германии и Саксонии, сообщив в них о том, как их братья кардиналы «с чудесным и изумительным единодушием» возвели его на папскую кафедру; следом пришло письмо, извещавшее об отлучении архиврага Лотаря Конрада Гогенштауфена, который также претендовал на германский трон. Лотарь знал, что его победа над Конрадом не станет окончательной до тех пор, пока он сам не будет коронован императором в Риме; невзирая на притязания соперника, он не хотел ссориться с тем из пап, который реально контролировал Рим. Лотарь предпочел откладывать решение как можно дольше, а на письма Анаклета не отвечать.

Но вскоре он обнаружил, что выжидать слишком долго ему не позволят; события развивались слишком быстро. По всей Западной Европе сторонники Иннокентия набирали силу, а после собора в Этампе их влияние и запал еще больше возросли. Осенью 1130 г. они уже могли оказывать давление на Лотаря; совет из шестнадцати германских епископов собрался в Вюрцбурге и высказался за Иннокентия; и в конце марта Иннокентий появился с большой свитой в Льеже, чтобы принять присягу короля.

Лотарь не мог идти против своих епископов; кроме того, именно Иннокентий теперь признавался всеми как папа. Из всех европейских государей Анаклета поддерживал только один человек – Рожер Сицилийский. Этого факта уже было достаточно, чтобы лишить Анаклета какой-либо поддержки императора: по какому праву папа, будь он законный или нет, мог короновать какого-то нормандского выскочку как короля территорий, принадлежащих, собственно, империи? После коронации Рожера у Лотаря не осталось сомнений: папой должен быть Иннокентий. И однако – возможно, в такой же степени, чтобы сохранить лицо, как и по другим причинам, – он выдвинул одно условие: чтобы право утверждения епископов с вручением им кольца и посоха, утраченное империей девятью годами ранее, было возвращено ему и его преемникам.

Лотарь забыл о настоятеле из Клерво. Бернар сопровождал Иннокентия в Льеж; возникшая ситуация была как раз из тех, в которых его таланты проявлялись в полной мере. Вскочив со своего места, он перед всеми собравшимися обрушился на короля с поношениями, призывая его немедленно отказаться от своих претензий и принести клятву истинному папе. Как всегда, его слова – или, скорее всего, сила личности, стоящая за ними, – произвели впечатление. Это была первая встреча Лотаря с Бернаром; не похоже, что кто-то когда-

то говорил с королем подобным образом. Лотарь умел проявлять твердость, но в этот раз, по-видимому, интуитивно понял, что сопротивляться невозможно. Он уступил. До того как начался совет, он официально выразил свою покорность Иннокентию и подкрепил собственные слова предложением, которое папа, вероятно, счел даже более ценным – ввести Иннокентия во главе имперской германской армии в Рим.

Уже во время своей коронации Рожеер знал о силах, которые собирались против Анаклета и – поскольку он бесповоротно связал свою судьбу с антипапой – против него самого. Он шел на риск и знал это. Корона действительно была ему политически необходима, но он заплатил за нее тем, что навлек на себя гнев половины континента. В какой-то степени это было неизбежно; появление новой фигуры, сильной и амбициозной, на международной арене редко приветствуется остальными, а Рожер, кроме всего прочего, обзавелся страной, на которую претендовали и Западная и Византийская империи. Хуже было то, что именно в этот момент ему пришлось противостоять не только мирским властителям Европы, но также и духовным – особенно когда среди них находились такие люди, как Бернар Клервоский и аббат Петр из Клуни. В первые месяцы после выборов он мог заключить сделку с любым из претендентов на папство, и насколько более радужным выглядело бы теперь его будущее, если бы Иннокентий, а не Анаклет обратился к нему за помощью. Теперь же у Рожеера, наоборот, возникало неприятное ощущение, что он поставил не на ту лошадь.

Но империя и церковь, как бы грозно они ни выглядели, не были единственными врагами нового короля. Другие, столь же опасные противники находились значительно ближе. Существовали бароны, которые уже на протяжении сотен лет, еще до Отвилей принципиально противились установлению порядка и объединению полуострова, а кроме того, имелись города. Только в Калабрии, где не было особенно крупных городов, городское население в целом соглашалось принять владычество короля. В Кампании главные города еще не достигли того уровня политического развития, как городские центры севера, где оживление торговли, ослабление контроля со стороны империи и возникновение организованного производства уже привели к образованию независимых торговых городов-республик, столь характерных для средневековой Италии; но новые веяния муниципального самоуправления просочились и на юг, и разнообразие форм, которые они принимали, отражало общую тенденцию отделения. В Апулии в целом было то же самое. Бари превратилось в «синьорию», управляемую знатью при назначаемом князе; в Трое существовала схожая система при главенстве епископа; Мольфетта и Трани являлись коммунами. Ни один из городов не хотел, если оставалась возможность этого избежать, становиться наравне со всеми другими частью хорошо организованной, централизованной монархии. И вскоре они заявили об этом со всей ясностью. Во время своего ураганного продвижения через континентальные герцогства тремя годами ранее Рожер порой разрешал городам, через которые он проходил, в обмен на быстрое подчинение оставлять на стенах и в цитадели местные гарнизоны; подобные соглашения сослужили свою службу, но теперь Рожер не мог допустить дальнейшего сохранения такой ситуации. Отныне его власть, если ей суждено уцелеть, должна была быть абсолютной. В феврале 1131 г. он официально потребовал от горожан Амальфи передать командование городской обороной и ключи от замка в его руки.

Они отказались. Их возражения, что король нарушает условия, на которых они сдались в 1127 г., были справедливы, но, как полагал Рожер, неуместны. Ему действия горожан представлялись вызывающим проявлением непослушания, которое он не собирался терпеть. Георгий Антиохийский, молодой левантский грек, тогда еще только начинавший свою карьеру самого блистательного из сицилийских адмиралов, отправился с флотом к городу с повелением блокировать его с моря и захватить все амальфийские суда, стоящие на рейде; одновременно другой грек, эмир Иоанн, подошел к Амальфи с армией со стороны гор. Про-

тив этих мер горожане, оказавшиеся под угрозой осады, ничего не могли поделать. Они держались некоторое время, но, когда они увидели, что Капри и все окрестные укрепления находятся в руках сицилийцев, им оставалось только сдаться.

В двадцати пяти милях от Амальфи, в Неаполе, герцог Сергей VII следил за развитием событий с беспокойством, которое быстро уступило место страху. В какой-то момент он предполагал послать помощь Амальфи, но, узнав о размерах сицилийского войска, быстро изменил свое мнение. Итак, как с удовольствием замечает аббат из Телезе, город, «который с римских времен едва ли когда-либо был покорен силой оружия, Рожер подчинил себе просто силой слухов»¹. В конце концов все территории, предоставленные ему Анаклетом в предыдущем сентябре, благополучно оказались в руках короля.

Отплывая обратно в Палермо тем летом с тремя неаполитанскими кораблями в качестве эскорта, Рожер внезапно попал в сильный шторм. После двух дней, в течение которых казалось, что он и его люди неминуемо погибнут, Рожер дал клятву: если они спасутся, в любом месте на побережье, где они пристанут, он воздвигнет собор в честь Христа Спасителя. На следующий день – это был праздник Преображения – ветер стих и суда благополучно бросили якорь в заливе Чефалу под огромным утесом, поныне вздымающимся над морским берегом к востоку от Палермо. Одно время под этим утесом располагался процветающий маленький городок, служивший резиденцией греческого епископа в византийскую эпоху; но при сарацинской оккупации он пришел в упадок, а в 1063 г. его разграбил и сильно разрушил великий граф. Теперь пришла пора его сыну возместить ущерб. Ступив на берег, он приказал построить в месте высадки часовню в честь святого Георгия, которого, как он уверял, он увидел в разгар шторма, а затем, не откладывая, стал подыскивать место для собора².

Так, по крайней мере, гласит легенда. Ее достоверность оспаривается исследователями уже на протяжении столетия. Доводы скептиков основаны на том, что ни один из тогдашних хронистов – даже аббат из Телезе, который, помимо того что был льстивым биографом Рожера, питал особое пристрастие к историям такого типа – не упоминает ни о чем подобном. Романтики, со своей стороны, ссылаются на документ, обнаруженный в 1880-х гг. в арагонском архиве в Барселоне, который, как они утверждают, не оставляет возможностей для сомнений³.

Аргумент весомый, но не окончательный. Все, что мы можем сказать с уверенностью, – что 14 сентября 1131 г. в Чефалу снова появился собственный епископ – латинский, на этот раз – и к этому времени строительство собора уже началось.

Облик Сицилии быстро меняется. Увы, она, как и другие европейские области и страны, не избежала пристального внимания земельных спекулянтов и торговцев недвижимостью, и многие ее райские уголки теперь осквернены присутствием цементной фабрики или мотеля. Но остров располагает двумя архитектурными шедеврами, при взгляде на которые – издали или вблизи – перехватывает дыхание. Первый – это греческий храм в Седжесте, но то впечатление, которое он производит издали, вызывается по большей части красотой окружающей местности; человека потрясает, помимо всего прочего, расположение здания на возвышенности, сочетание этой возвышенности с окружающими холмами и величие, изолированность и безмолвие. Это не умаляет достоинств самого храма; он великолепен. Но

¹ Александр из Телезе. II, xii.

² Это был не первый случай, когда святой Георгий оказывал моральную поддержку нормандцам в тяжелую минуту; читавшие «Нормандцев в Сицилии» (М.: Центрполиграф, 2005) могут вспомнить, как он появился перед отцом Рожера в битве при Черами в 1063 г.

³ Розарио Сальво ди Пьетраджелли. Легенда о буре и об обете короля Рожера построить храм в Чефалу // Сицилия в искусстве и археологии. Т. II. Июнь – июль 1888 г.

таковы почти все греческие храмы, и они – факт, который надо признать, – очень похожи один на другой.

Второй шедевр – Чефалу; и Чефалу уникален. Когда видишь его впервые с прибрежной дороги на запад, самое его месторасположение выглядит не менее замечательным, чем у храма в Седжесте. От прибрежной полосы, окаймленной опунциями, взгляд поднимается к скоплению кровель в дальнем конце залива. За ними, но все же как часть города встает собор Рожера, возвышающийся над городскими зданиями подобно соборам Линкольна или Дарема. А над ним поднимается скала, благодаря которой местность получила имя. В древности греческие обитатели этих мест, кажется, видели в ней гигантскую голову, но на самом деле она скорее подобна большим широким плечам, квадратным и массивным, которые дают городу ощущение безопасности и надежности. Не столь близкая, чтобы казаться угрожающей, и не столь отдаленная, чтобы выглядеть случайной деталью, скала объединяется с городом, так что они становятся двумя дополняющими друг друга частями одной величественной композиции. А собор является связующим звеном между ними.

Таково первое впечатление. Но только когда приезжаешь на центральную площадь, открывается все великолепие Чефалу. Снова, но уже по другим причинам поражаешься, с каким мастерством выбрано его расположение. Стоящий на склоне, он оказывается чуть в стороне и чуть выше площади; потому к нему подходишь, как к Парфенону, сбоку и снизу. И по мере того, как приближаешься к нему, растет уверенность, что это не только самая прекрасная из нормандских построек на Сицилии, но и один из самых великолепных соборов в мире. Фасад, каким мы его видим, с двумя пилонами, скорее похожими, нежели одинаковыми, и декоративной аркадой, их соединяющей, датируется 1240 г. – столетием позже правления Рожера. К тому времени смешение восточного и западного стилей, столь характерное для ранней нормандско-сицилийской архитектуры, исчезло; перед нами совершенный образец солнечного южного романского стиля, выдержанного, но не до конца строгого.

Так, по крайней мере, кажется снаружи. Но величайшее чудо Чефалу еще впереди. Поднимитесь теперь по ступеням, пройдите между двумя забавными и милыми барочными епископами, изваянными из камня, пересеките внутренний двор по направлению к портику с тройной аркой – пристройка XV в., но от этого не ставшая дурной – и вступите в саму церковь. В первый момент вас может постигнуть небольшое разочарование, поскольку тонкие арки – их очертания безошибочно напоминают о близости ислама – между двумя рядами древнеримских колонн почти теряются под тяжеловесным, мертвым декором XVII–XVIII вв. Но вскоре ваши глаза привыкнут к полумраку собора; ваш взгляд устремится вдоль многочисленных колонн к высокому алтарю и скользнет вверх по рядам святых, ангелов и архангелов и, наконец, высоко в конхе большой восточной апсиды встретится с глазами Христа.

Он Вседержитель, повелитель всего. Его правая рука поднята для благословения; в левой он держит книгу, открытую на тексте, начинающемся со слов «Я – Свет для мира». Текст написан по-латыни и по-гречески, ибо эта мозаика, главная достопримечательность романской церкви, чисто византийская по стилю и работе. О мастере, создавшем ее, мы не знаем ничего, кроме того, что Рожер, вероятно, пригласил его из Константинополя и что он, безусловно, был гением. И в Чефалу он создал самое великое изображение Вседержителя – возможно, самое великое из всех изображений Христа – в христианском искусстве. Только одно изображение в Дафни около Афин может с ним сравниться; но хотя они и относятся почти к одному времени, контраст между ними поразителен. Христос из Дафни темен, тяжел, угрожающ; Христос из Чефалу, при всей своей силе и величии, не забыл, что его миссия – искупление. В нем нет ничего мягкого или слащавого; однако печаль в его глазах, открытость его объятий и даже два отдельных локона, спадающие на лоб, говорят о его милосердии и сострадании. Византийские теологи настаивали, что художники, изображая

Иисуса Христа, должны стремиться запечатлеть образ Бога. Это нелегкое требование; но в данном случае эта задача была с блеском выполнена.

Снизу в молитве стоит Его Мать. По сравнению с величием Ее сына, в окружении четырех архангелов и из-за ослепительного света, струящегося из нижнего окна, Ее легко можно не заметить: жаль, поскольку, если бы Она стояла одна среди золота – как, например, в апсиде собора в Торчелло, – Ее тоже объявили бы шедевром. (Архангелы, надо заметить, представлены в облачении византийских императоров и даже держат и скипетр и державу – знаки императорской власти.) Ниже – двенадцать апостолов, изображенные не столь условно, как это часто бывает в восточной иконографии. Они представлены не совсем анфас, а чуть повернувшись один к другому, словно они беседуют. Наконец, по сторонам от клироса стоят два трона белого мрамора, усеянные красной, зеленой и золотой мозаикой. Один предназначался для епископа; второй – для короля⁴.

Здесь Рожер, должно быть, сидел в свои последние годы, глядя на великолепии, явившиеся в мир по его повелению, ибо надпись под окном свидетельствует, что мозаики в апсиде были готовы к 1148 г., за шесть лет до его смерти. Он считал собор своим личным даром Богу и церкви и даже построил в городе дворец, из которого наблюдал за строительством⁵. И не было ничего удивительного в том, что в апреле 1145 г. он избрал собор местом своего погребения, одарив его двумя порфирными саркофагами: один предназначался для его собственных останков, а другой был поднесен, как он указывал, «ради августейшей памяти моего имени и во славу церкви». Печальная история о том, как его желание не было выполнено, так что ныне он лежит не в знаменитом им самим построенном храме, но среди бессмысленных помпезностей Палермского собора, еще будет рассказана в этой книге. Восемь веков спустя трудно надеяться на перемену настроения властей; тем не менее сложно, посетив Чефалу, не вознести к небесам краткой молчаливой молитвы о том, чтобы величайший из сицилийских королей когда-нибудь успокоился в церкви, которую он любил и в которой осталась память о нем.

⁴ Верхний ряд мозаики на стенах клироса с надписями на латыни вместо греческого является более поздним, предположительно работа местных художников следующего столетия. То же относится к серафиму на своде.

⁵ Останки этого дворца до сих пор сохранились в так называемой Остерио-Магна на углу Корсо-Руджеро и Виа-Амендола.

Глава 2

МЯТЕЖ В КОРОЛЕВСТВЕ

Мы за Альпами.

Папа Иннокентий II архиепископу Равенны 16 апреля 1132 г.

Рожер выдержал один шторм – событие, которому собор в Чефалу является великолепным памятником. Но он знал еще до основания собора, что ему предстоит скоро пережить другую, более серьезную бурю. Лотарь собирался в обещанный поход на Рим с двумя целями – утвердить папу Иннокентия на престоле святого Петра и короноваться в качестве императора. При том что на его стороне были настоятель Клерво, влияние западной церкви и короли Англии и Франции, он имел все шансы на успех; и что, в таком случае, могло помешать ему бросить свои войска на Сицилию, избавив Европу раз и навсегда от ложного папы и его единственного сторонника?

На самом юге он нашел бы достаточную поддержку. Вассалы южной Италии всегда роптали на своих властителей Отвилей. В предшествующее столетие они сидели в печенках у Роберта Гвискара, задерживая его и отвлекая от военных кампаний. Не будь их постоянных восстаний, он мог завершить завоевание Сицилии намного быстрее и окончить жизнь императором Константинополя. Все же Роберту удавалось до определенной степени сохранять свою власть; при его сыне и внуке, которые наследовали ему в качестве герцогов Апулии, герцогская власть превратилась в пустой звук и страна погрузилась в хаос. Вассалы могли творить все, что угодно, воевать и опустошать, грабить и мародерствовать; дошло до того, что, по словам аббата из Телезе, крестьяне не могли спокойно обрабатывать и засеивать свои поля.

Одно их объединяло – решимость сохранить собственную свободу и сопротивляться всяким попыткам восстановить твердое централизованное правление. Тот факт, что их сюзерен теперь был не герцогом, а королем, ничуть не способствовал их примирению с новым порядком. Разумеется, они не питали любви к империи, но, если уж иметь сюзерена, лучше, чтобы он находился как можно дальше, так что седой старый император за Альпами был для них намного привлекательнее и предпочтительнее, нежели решительный и деятельный молодой Отвиль по соседству. Почти сразу же после того, как король вернулся на Сицилию летом 1131 г., двое худших смутьянов, Танкред из Конверсано и князь Гримоальд из Бари, подняли небольшое восстание в Апулии, и к Рождеству порт Бриндизи оказался в их руках.

Король не спешил расправиться с бунтовщиками. Он привык зимовать на Сицилии, и все мысли его были заняты Чефалу. Кроме того, он любил свою жену и свою семью. Королева Эльвира, дочь Альфонсо VI Кастильского, стала женой Рожера четырнадцать лет назад. Мы, к сожалению, знаем о ней мало, но их брак был счастливым, и она подарила мужу семерых детей, в том числе четырех доблестных сыновей, которые в последующие годы стали его ближайшими помощниками. Двое старших – Рожер и Танкред – приезжали в Мельфи в 1129 г., где вместе со своим отцом принимали клятву верности от недовольной апулийской и калабрийской знати; но обычно мать и дети оставались на Сицилии, и этим летом у Рожера не было возможности их видеть.

В марте 1132 г., однако, Рожер уже не мог откладывать свое возвращение на континент. Дело было не только в апулийских мятежниках, о более серьезных проблемах его известила Анаклет, который встретился с королем в Салерно, чтобы обсудить планы на будущее. Антипапа все больше беспокоился: его соперник Иннокентий уже явился в северную Италию, готовясь к прибытию императора. Непосредственной опасности пока не было; армия Лотаря, судя по имевшимся сведениям, еще не выступила. Но Рим жил слухами, и эти слухи,

распространяемые старыми врагами Анаклета Франджипани, приводили горожан в смятение. Вдобавок ко всему, луна – по свидетельству хрониста Фалько из Беневенто – внезапно потеряла блеск и окрасилась в цвет крови; никто не мог назвать это добрым знаком. Необходимо, доказывал Анаклет, продемонстрировать силу – напомнить римлянам, что он все еще их господин и что за него стоит король Сицилии. Рожер согласился с его точкой зрения; двое его главных вассалов, князь Роберт Капуанский и его собственный зять Райнульф Алифанский, были немедленно отправлены с двумя сотнями рыцарей в Рим с повелением оставаться там до следующих распоряжений.

Этот поступок, подобно многим поступкам короля, не был столь альтруистичен, как казалось. Робер Капуанский боролся – хотя, разумеется, не очень решительно – вместе с другой знатью за изгнание Рожера из южной Италии несколькими годами ранее. Потом он, как и остальные, капитулировал и в качестве главного вассала возложил корону на голову короля в кафедральном соборе Палермо. Но он так и не примирился полностью с новым правлением, и Рожер был, вероятно, рад, ввиду наступающего кризиса, удалить его на безопасное расстояние. Граф Алифанский отличался еще большим коварством. Он несколько раз предавал своего шурина и, без сомнения, сделал бы это вновь ради собственной выгоды. Более того, его брат Ричард, владевший городом Авеллино, недавно отринул сюзеренитет короля и объявил себя независимым властителем. Когда Рожер призвал его к порядку, он выколол глаза и вырвал ноздри королевскому посланнику. Король сразу же захватил спорную территорию, но тут последовало новое осложнение. Пока Райнульф находился в Риме, его жена, сводная сестра Рожера, Матильда, бежала от него и искала убежища при дворе, объявив, что постоянная жестокость Райнульфа делает невозможным продолжение семейной жизни.

Рожер поддержал ее, и, когда Райнульф – нарушив его приказ – покинул Рим, чтобы требовать восстановления своих территориальных и брачных прав, король ответил, что Матильда, конечно, вольна к нему вернуться, когда ей захочется, но сам Рожер не собирается заставлять ее это сделать против ее желания. Матильда и ее сын вернулись с Рожером на Сицилию, и он со своей стороны обязался потребовать от Райнульфа немедленного возвращения земель, являвшихся ее приданым, – долины Каудине и всех замков, которые там находятся. По поводу Авеллино король был столь же непреклонен: Райнульф и бровью не повел, когда его брат объявил о своей независимости; не защитив права своего законного сюзерена, он лишился всякой возможности претендовать на город. Рожер пошел только на одну уступку: если граф и его сторонники захотят официально изложить ему свои жалобы в Салерно, он выслушает все, что они смогут сказать.

Райнульф Алифанский не намеревался терпеть такое обращение, еще меньше он хотел оказаться пленником в Салерно. Вместо этого он сошелся с Робертом из Капуи – который также самовольно вернулся из Рима, – и они вместе начали строить планы мятежа.

Апулийское восстание было быстро подавлено. После краткой осады в мае 1132 г. жители Бари выдали князя Гримоальда и его семью Рожеру, который доставил их как пленников на Сицилию, а Танкред из Конверсано купил себе свободу обещанием – которое он не сдержал – отбыть в Святую землю. Вся кампания завершилась за месяц; но это выступление являлось симптомом более глубокого и общего недовольства на юге, а главное – оно отвлекло внимание Рожера как раз в тот момент, когда Райнульф и Роберт собирали силы. Если бы Рожер выступил против них сразу после того, как они вернулись из Рима – а их несанкционированное отбытие из города давало для этого хороший повод, – он избежал бы многих неприятностей, которые ожидали его в течение ближайших нескольких лет. Но Рожер упустил возможность. Являясь полновластным господином в делах Сицилии, он еще не вполне понимал своих континентальных вассалов. Не в первый раз он их недооценил. Он уязвил гордость своего зятя, но не отнял у него могущества и власти и добился только того,

что возможный противник превратился в реального. Граф Алифанский теперь был обижен и рассержен – и опасен, поскольку мог рассчитывать на поддержку князя Капуи, все еще мощнейшей военной силы на юге Италии после короля.

Роберт из Капуи никогда в прошлом не отличался мужеством; но идеи мятежа носились в воздухе, а вскоре должны были появиться Лотарь и имперская армия. Кроме всего прочего, разве он не являлся сеньором Райнульфа? Как он мог сохранить статус князя, потеряв доверие вассалов? Со всей энергией, на которую он был способен, Роберт занялся подготовкой нового масштабного восстания. К концу весны 1132 г. он и Райнульф имели в своем распоряжении три тысячи рыцарей и по крайней мере в десять раз более пеших воинов. И большинство южноитальянских баронов стояло за них.

Король не ожидал столкнуться со столь сильным противодействием. Он только что подавил один бунт и меньше всего хотел оказаться перед лицом другого – на этот раз гораздо большего по масштабам – именно тогда, когда вся его энергия требовалась для борьбы с опасностью с севера. Он никогда не затевал войну, если оставался шанс ее избежать, а в данной ситуации соглашение представлялось возможным. В середине июля он послал гонцов к мятежникам с предложением переговоров. Но это оказалось бесполезно. Оба предводителя стояли на своем. Их обидели, и ни о каких переговорах не может идти речи, пока обида не будет отомщена.

Обе армии теперь стояли у Беневенто, и на это имелись серьезные причины. Беневенто был папской территорией. С тех самых пор, как его горожане прогнали своих правителей и перешли под покровительство папы Льва IX около восьмидесяти лет назад, они оставались верными подданными Святого престола; город представлял собой подлинный бастион папской власти на юге Италии. Именно за стенами Беневенто папа Гонорий утвердил права Рожера на герцогство в 1128 г. Здесь же в городе, в папском дворце Анаклет двумя годами позже даровал ему корону, пообещав также поддержку города во время войны. В данной ситуации это обязательство становилось актуальным, но мог ли Рожер рассчитывать, что оно будет исполнено?

Вначале казалось, что да. Некий кардинал Кресченти, управлявший Беневенто от имени Анаклета, вместе с местным архиепископом и группой самых влиятельных горожан вышел, чтобы заверить короля в своей доброй воле; и, услышав, что он взамен обещает освободить город от некоторых финансовых обязательств, они без колебаний пообещали ему активную военную поддержку. Это была роковая ошибка, и из-за нее они и Рожер потеряли город. В их отсутствие тайные сторонники Роберта развили бурную деятельность; слухи распространялись молниеносно, и, когда Кресченти и его друзья сторговались с королем Сицилии и условия соглашения были объявлены, беневентцы пришли в ужас. Что пользы быть папским городом, если они окажутся сметены междоусобными сворами, как все другие? На собрании всех горожан они объявили следующее:

«Мы не можем таким образом стать союзниками короля, не можем мы также задыхаться, потеть и изнурять себя в длительных переходах вместе с сицилийцами, калабрийцами и апулийцами под палящим солнцем, поскольку наша жизнь протекала в спокойных местах и мы не привыкали к столь губительному образу жизни».

Есть что-то обезоруживающе трогательное в таком протесте, но, возможно, он был не столь наивным, как кажется. Граждане Беневенто должны были, конечно, знать, что взоры папы Иннокентия и короля Лотаря устремлены на них. В преддверии крупного столкновения между папой и антипапой они более, чем кто-либо другой на юге, стремились оказаться на стороне победителя. Эти якобы мягкие и миролюбивые люди так приняли Кресченти, что тот, чудом уцелев, бежал обратно к Рожеру, а несчастный архиепископ в ужасе заперся в соборе.

Мятежники торжествовали. Князь Роберт теперь без труда добился от горожан обещания дружеского нейтралитета с правом свободного прохода своих войск через территорию Беневенто; покинул, дрожа, свое убежище, чтобы засвидетельствовать новый официальный договор между Капуей и Беневенто, при том что город, как архиепископ особо подчеркнул, хранил верность по отношению к папе. Какого именно папу он имел в виду, он не пояснил; а паства сочла за лучшее его не спрашивать.

Для Рожера измена Беневенто стала крупной неприятностью. Насколько серьезные последствия она будет иметь, он пока не понял, но в данный момент его войска оказались в очень невыгодной позиции. Беневентцы доставляли им еду и другие необходимые вещи; а теперь благожелательность, на которую они надеялись, сменилась открытой враждебностью. Более того, князь Капуанский, уверенный в поддержке, мог в любой момент решиться на атаку. Рожер по своему обыкновению не стал вступать в открытое противоборство. Вместо этого он приказал всем подразделениям своей армии внимательно следить за его знаменем и быть наготове, чтобы последовать за ним в направлении, куда оно двинется.

С наступлением ночи сигнал был дан, и под покровом темноты сицилийская армия отступила через горы на юг. Хотя формально маневр мог быть описан как стратегическое передвижение, его обстоятельства и скорость явно предполагали бегство – поскольку заря застала королевские силы у подножия горы Атрипальда за Авеллино. Переход в двадцать миль за ночь по горным тропам – немалое достижение для армии, но марш еще не закончился; король, как рассказывает нам Фалько, по дороге обдумывал месть и собирался перехватить инициативу. Поэтому вместо того, чтобы отправиться в свою континентальную столицу Салерно, он двинулся к Ночере – главной крепости Роберта после Капуи. Город явно не ожидал нападения; и с большой вероятностью потребуются несколько дней на то, чтобы бунтовщики, уверенные, что Рожер вернулся в Салерно, обнаружили, куда он в действительности направляется. После этого они наверняка поспешат на помощь Ночере, избрав скорейший, хотя и не самый прямой, путь через прибрежные равнины и долину, пролегающую между Везуviем и Апеннинским массивом; но тогда им потребуется пересечь реку Сарно в ее низовьях, а там через эту широкую реку имеется только одна переправа – старый деревянный мост у Скафати, в миле или двух к западу от дороги на Помпеи. Если разрушить этот мост, можно выиграть по крайней мере еще несколько дней. Рожеер отправил отряд к мосту, а когда его люди, проделав все необходимое, вернулись, осада Ночеры шла полным ходом.

Это был смелый и хитрый план, достойный Рожера I или Роберта Гвискара. Он мог сработать и почти сработал. Но войска мятежников продвигались быстрее, чем ожидалось. Всего через пять дней после начала осады они, наскоро возведя новый мост, переправились через реку и стали лагерем напротив армии короля на широкой равнине на север от города – Роберт Капуанский с тысячей рыцарей слева, Райнульф – справа с другими пятнадцатью сотнями, разбитыми на три подразделения. Из них двести пятьдесят воинов были отправлены к стенам, чтобы отвлечь на себя часть сил осаждавших войск, остальные готовились к битве.

Она произошла в воскресенье 24 июля. Рожер больше не колебался. Он снял осаду Ночеры сразу же, как только услышал о том, что враги переправились через Сарно, и сделал собственные распоряжения. Первая линия была готова к бою; по команде короля они опустили копья, тронули лошадей в галоп и начали атаку. Войска князя Роберта дрогнули под их натиском; капуанская пехота в тылу, видя надвигающихся всадников, запаниковала и побежала к реке. Мост, столь недавно и поспешно возведенный, не выдержал; сотни упали в воду и утонули.

Вторая атака королевских войск началась столь же успешно; но в это время граф Алифанский с пятью сотнями собственных рыцарей обрушился на нападавших с фланга. На

мгновение они растерялись; и прежде, чем они успели перестроиться, правое и левое крыло армии Райнульфа подошли вслед за центром и обрушились на врага, как пишет Фалько, подобно льву, голодавшему три дня.

Это решило исход битвы. Сам Рожер, оказавшийся теперь в гуще сражения, схватил копье и скакал взад-вперед сквозь смешавшиеся ряды своей армии, призывая воинов сплотиться вокруг короля. Но было поздно. Его армия отступала, и ему оставалось только следовать за ней. Тем же вечером Рожер отправился в Салерно, окровавленный и уставший, в сопровождении всего только четырех рыцарей. Из остальных около семисот воинов, в том числе двадцать верных ему баронов, оказались в плену. Другие пали на поле боя или, как большая часть пехоты, были перебиты во время бегства. Победители захватили огромную добычу. Фалько заявляет, что не в силах описать, сколько золота и серебра, богатых золотых сосудов, роскошных одежд, конской упряжи, кирас и другого воинского снаряжения было захвачено. Генрих, епископ из монастыря Святой Агаты, который, будучи горячим сторонником папы Иннокентия, последовал за Робертом в Ночеру, утверждает, что среди захваченных королевских документов оказалась та самая булла, которой Анаклет даровал Рожеру королевство.

Это была первая большая битва Рожера, и он ее проиграл. Его армия понесла огромные потери, и его авторитет в Италии опасно пошатнулся. Вести о случившемся распространились по полуострову, и пламя мятежа распространялось вместе с ними; все больше городов становились под капуанские знамена. В Беневенто благодарственная процессия с факелами обошла все важнейшие храмы города и были сделаны определенные шаги к тому, чтобы вместо несчастного Кресценти принять в качестве правителя представителя папы Иннокентия. Горожане Бари снова восстали и убили нескольких воинов из сарацинского гарнизона, оставленного Рожером; в Монтепелозо Танкред из Конверсано немедленно отложил свои приготовления к Крестовому походу и присоединился к бунту. Тем временем в Италию просочились слухи из Германии, что король Лотарь наконец собрал свою армию и уже идет на юг через Альпы.

И все же, когда король Сицилии начал собирать в Салерно новую армию и укреплять флот, готовясь к предстоящим битвам – а господство на море стало для него теперь насущнейшей необходимостью, – он, по свидетельству очевидцев, излучал жизнерадостность и уверенность. В какой-то степени это могло быть притворством, но, вероятно, не полностью. До сих пор он всегда избегал открытых битв. Дипломатия, подкуп, лавирование, изматывание противника, осада – в различные моменты своей жизни он применял средства из этого арсенала охотнее, чем встречался с врагом на поле сражения. Уход из Беневенто явился воплощением его тактики; многие из людей Рожера, без сомнения, предпочли бы бой постыдному отступлению под покровом темноты, столь же деморализующему, сколь и недостойному, но долгое путешествие через горы дало королю достаточно времени, чтобы набраться мужества. Чтобы успокоить ропот своей армии и, быть может, собственную совесть, он должен был доказать, что достоин своего народа и своего рода. И он, по крайней мере, сделал шаг. Как командующий он допустил ошибку и потерпел поражение; но он, наконец, обнаружил в тридцать шесть лет, что, когда вызов брошен, ему не хватает смелости его принять.

Слухи с севера соответствовали действительности. Прошло около полутора лет с тех пор, как Лотарь пообещал сопровождать папу Иннокентия в Рим. Беспорядки в Германии задержали его и помешали ему собрать такую армию, как он надеялся. В результате он рассудил, что путь к решению внутренних проблем лежит в скорейшем получении имперской короны и авторитета, который она дает; соответственно в августе 1132 г. с королевой Ричен-

цей Нордхаймской и войском, по численности едва превосходившим вооруженный эскорт, Лотарь отправился через горы в Ломбардию.

Путешествие оказалось не слишком приятным. По мере того как ломбардские города становились с каждым годом сильнее, богаче и самостоятельнее, они все менее были склонны принимать притязания империи. Соответственно, они встречали очередного носителя этих притязаний холодно, а порой с откровенной враждебностью, к которой прибавлялась, когда они видели размеры его войска, нескрываемая насмешка. Лотарю приходилось двигаться с осторожностью, проходя только через те города, где его непопулярность не была столь очевидна, и надеяться на то, что Иннокентий, который уже несколько месяцев находился в Италии, сумел собрать достаточно сил, чтобы император мог хотя бы войти в Рим с подобающей помпезностью.

Папа ожидал его около Пьяченцы. Призывы Иннокентия не остались без ответа; имперская армия на последней стадии путешествия составляла около двух тысяч. Это была весьма скромная армия, но уже не смешная. Более всего императору не хватало поддержки с моря. Пиза и Генуя, две великие морские республики Северо-Западной Италии, на чью помощь папа полагался, в тот момент занимались исключительно ссорами по поводу Корсики и Сардинии, а без их подмоги у имперских сил оказывалось мало шансов пред объединенной атакой с суши и моря. Но начались осенние дожди, дороги развезло, и Лотарь решил отложить коронацию до следующей весны. Тем временем, быть может, удастся убедить воюющие города оставить свою рознь ради общего блага.

В том, что это действительно удалось, большая заслуга принадлежит аббату из Клерво. Он появился в Италии вскоре после Рождества; к марту они с Иннокентием, чередуя угрозы и посулы, склонили пизанцев и генуэзцев заключить перемирие и в следующем месяце вновь появились в лагере Лотаря, готовые к походу на Рим. Собравшаяся армия по-прежнему не могла произвести особого впечатления своими размерами и мощностью; но имперские осведомители доносили, что Рожер все еще занят собственными проблемами и, соответственно, нет оснований опасаться серьезного противодействия по дороге в Святой город.

Церковь Святой Агнессы за Стеной сохранилась до наших дней и выглядит примерно так же, как в VII столетии, когда ее построили. Перед ней 30 апреля 1133 г. будущий император собрал свою армию для последнего броска. Уже несколько дней Рим был в тревоге. Пизанские и генуэзские корабли поднялись по Тибру и теперь угрожающе расположились под стенами; их присутствие, вместе с преувеличенными слухами о размерах германского войска, заставили многих римлян, включая самого префекта, изменить своим прежним клятвам. Большая часть города теперь была открыта для Лотаря и Иннокентия. Их встретили у ворот Франджипани и Корси со своими приспешниками, которые с самого начала противостояли Анаклету; они затем препроводили прибывших в соответствующие их достоинству дворцы: короля и королеву в старую имперскую резиденцию Оттона III на Авентине, а папу в Латеранский дворец.

Но правый берег Тибра с замком Сан-Анджело и собором Святого Петра, где по традиции проходила имперская коронация, все еще оставались в руках Анаклета, а Анаклет не собирался сдаваться. Лотарь, зная о собственной слабости, предложил переговоры, но анти-папа дал тот же ответ, который давался всегда: представить вопрос о выборах на рассмотрение международного церковного трибунала. Если такой трибунал, специально созданный, выскажется против него, он подчинится его решению. А до этого он останется в Риме, который ему принадлежит. Будь Лотарь один, он, вероятно, принял бы это предложение. С его точки зрения, любой вариант был лучше, чем продолжающийся раскол в папстве: соперничающие папы могли породить соперничающих императоров, а в таком случае его собственное положение оказывалось под угрозой. Но теперь в Риме к нему присоединился Бернар; а при Бернаре в качестве сторонника не могло быть речи ни о каком компромиссе. Если

Анаклета не удалось поставить на колени, его следовало игнорировать. Иннокентий был утвержден папой не в соборе Святого Петра, а в Латеране, и там же 4 июня с соблюдением всех церемоний, возможных в данных обстоятельствах, он короновал Лотаря императором Запада, а Риченцу – его императрицей.

Второй раз за полвека один папа осуществлял имперскую коронацию, в то время как другой находился в паре миль от него, бессильный и кипящий гневом. В предыдущем случае Григория VII спасло только прибытие, не слишком быстрое, Роберта Гвискара во главе тридцатитысячного войска. Анаклет не мог рассчитывать на что-то подобное; король Сицилии, хотя хранил ему верность, был занят другим. К счастью, немедленное спасение не требовалось. Антипапе, хотя и беспомощному, ничто не грозило. Никакая атака на правый берег не была возможна без контроля за двумя мостами, перекрывавшими реку у Тибрского острова, а все подходы к ним прикрывал древний театр Марцела, ныне превращенный в главную крепость Пьерлеони. В таких обстоятельствах у императора не было ни сил, ни желания предпринять нападение. Теперь, когда его непосредственная цель была достигнута, он думал только о возвращении в Германию. Через несколько дней после коронации он и его армия удалились; а пизанские и генуэзские корабли уплыли по реке в открытое море.

Для папы Иннокентия отбытие Лотаря стало большой неприятностью. Его сторонники в городе сразу же от него отвернулись. Только Франджипани хранили верность, но они не могли удержать Рим без посторонней помощи. К июлю сторонники Анаклета возобновили свою деятельность, и золото потекло вновь из неистощимых сундуков Пьерлеони. В августе бедному Иннокентию вновь пришлось отправиться в изгнание. Он скромно выскользнул из своей резиденции – точно как три года назад – и в поисках безопасного убежища медленно направился в Пизу.

Не только Иннокентий чувствовал себя преданным. Для мятежников в южной Италии весть о том, что император, которого они так долго ждали, пришел и ушел, не пошевелив пальцем, чтобы им помочь, означала крушение их слабой надежды на победу. Последние несколько месяцев они терпели бедствие. 1133 г. начался достаточно хорошо: мятеж под руководством Танкреда из Конверсано захватил всю Апулию. Даже Мельфи, первая столица Отвилей, даже Веноза, где четверо величайших представителей этого рода, включая самого Роберта Гвискара, были погребены, выступили против короля. Но вместе с другими городами, которые последовали их примеру, они вскоре пожалели о своей неверности. В самом начале весны Рожер прибыл с Сицилии с новой армией – и совсем другой. В прошлом, когда он стремился завоевать расположение южноитальянских вассалов, он находил, что использование войска, полностью или по преимуществу состоящего из мусульман, скорее повредит, нежели пойдет на пользу его репутации; потому он привлекал сарацин только в качестве подкрепления для основного войска. Теперь он отбросил всякую щепетильность. Его положение было отчаянным, а сарацины проявили себя вернейшими из его подданных, на которых не оказывали действия ни посулы нормандских баронов, ни папское отлучение. Армия, которая теперь высадилась на итальянскую землю, состояла в основном из мусульман; и Рожер прибегнул к этому единственному оставшемуся средству, чтобы подчинить себе своих христианских вассалов.

Изменившийся состав войска, похоже, отражал сходное изменение в характере самого Рожера. В обеих хрониках, описывающих последующую военную кампанию, – является ли автором Фалько, нотариус из Беневенто, ненавидевший Рожера, или льстивый Александр из Телезе – мы видим человека беспощадного и мстительного. Он всегда был мастером дипломатии и государственной деятельности и остался таковым до конца жизни; но события последних двух лет научили его, что есть ситуации, когда подобные методы уже бесполезны; и битва при Ночере, хотя и оказалась несчастной со всех других точек зрения, убедила его

в его способности действовать в таких обстоятельствах. Более никогда, если ситуация того требовала, он не стремился избежать кровопролития.

Итак, весной и летом 1133 г. сицилийские сарацины обрушились на мятежную Апулию. Начав с Венозы – поскольку, утвердившись в горных городах центральных областей, он рассчитывал отрезать Танкреда и его мятежников от их капуанских союзников на западе, – король двигался на восток и на юг к морю, оставляя за собой пустыню. Никто из сопротивлявшихся не дождался пощады; многие были сожжены заживо – так, по крайней мере, утверждает Фалько, который призывает Бога в свидетели, что «такой жестокости христиане никогда прежде не знали». Корато, Барлетта, Минервино, Матера и другие мятежные крепости пали одна за другой, пока наконец Рожер не привел своих сарацин к Монтепелозо, где обосновался Танкред в ожидании неизбежной осады. С ним, пишет аббат из Телезе, было сорок рыцарей, присланных Райнульфом Алифанским, под командованием некоего Рожера из Пленко – «храбрейшего воина, но крайне враждебного королю»⁶.

Стены Монтепелозо не устояли против сицилийских осадных машин; и спустя примерно две недели «под звуки труб и громовые крики, вздымающиеся к небесам», сарацины ворвались в город. Некоторые из защитников, переодевшись в отрепье, дабы в них не узнали рыцарей, сумели спастись, но их предводители не были столь удачливы. Кажется, перо дрожит в руке Фалько, когда он пишет:

«Тогда Танкред и несчастный Рожер (из Пленко) сбросили доспехи и попытались спастись в самых темных и мрачных проулках города; но их искали, обнаружили и привели к королю Рожеру. О, печаль, ужас, рыдания! О читатель, как велико было бы страдание вашего собственного сердца, если бы вы присутствовали при этом!! Ибо король объявил, что Рожер должен быть повешен и что Танкред сам, собственной рукой, затянет веревку. О, какое неслыханное преступление! Танкред, как ни горько ему было, не мог не подчиниться королю. Всех воинов охватил ужас, и они призывали Бога на небесах отомстить столь могущественному тирану и жестокому человеку. Затем король приказал, чтобы доблестного Танкреда посадили под стражу. Мы слышали, что позже как пленник был отправлен на Сицилию. А затем без отлагательств весь город Монтепелозо, его монастыри и все горожане, мужчины, женщины и дети, были преданы огню и мечу».

После падения Монтепелозо сопротивление апулийцев было сломлено, но гнев Рожера не утих. Раз уж он решил преподать урок своим подданным, все они должны изведать тяжесть королевской руки. Отныне всякий будет знать цену бунта. От Трани остались обгорелые руины; в Трое, где делегация горожан в ужасе вышла его приветствовать, он казнил на месте пятерых главных членов городского совета, а затем сровнял город с землей; выжившие разбежались по окрестным деревням. Мельфи постигла схожая судьба; Асколи пришлось не лучше. Наконец 16 октября, уничтожив все крупные города Апулии, король и его сарацины вернулись в Салерно; 19-го они отплыли на Сицилию.

Рожер мог более не опасаться Апулии, но имелось еще два вассала, которых следовало призвать к повиновению. Роберт из Капуи и Райнульф Алифанский поспешили в Рим при первых вестях о прибытии Лотаря и послушно присутствовали на коронации, несомненно ожидая, что, когда положенные формальности будут совершены, император и его армия – какая бы она ни была – отправятся с ними на юг, чтобы выступить против короля Сицилии. Они, по-видимому, еще находились в Риме, когда Рожер появился в Апулии, быстрый и неожиданный контрудар застал их неподготовленными, вдали от своих последователей, которые именно теперь особенно в них нуждались. Райнульф вернулся со всей возможной поспешностью, но он, похоже, не предпринял ни одной серьезной попытки – если не считать сорока рыцарей под командованием несчастного Рожера из Пленко, посланных в Монтепе-

⁶ Фалько называет его Рожером де Плеуто.

лозо, – остановить продвижение короля. Князь Роберт был более осторожен и благоразумен. События минувшего лета научили его, что при имеющихся в распоряжении силах даже такая ошеломляющая победа, как была ими одержана при Ночере, не может иметь решающих и долгосрочных последствий. Рожера никогда не удастся сокрушить без помощи извне, и, если нельзя рассчитывать на поддержку императора, ее следует искать где-то еще. Соответственно, в последнюю неделю июня Роберт отправился из Рима в Пизу; и здесь, после долгих переговоров, сумел заключить соглашение, по которому в обмен на три тысячи фунтов серебра сто пизанских и генуэзских кораблей будут предоставлены в его распоряжение в марте следующего года.

Имея в качестве противника флот такой величины, Рожер рисковал потерять господство на море. Его враги могли отважиться на развернутую атаку против Мессины, чтобы блокировать проливы, или даже напасть на Палермо. Но он не выказывал особенной озабоченности по этому поводу. В начале весны 1134 г. он вновь отправился на материк, вознамерившись навести порядок в Италии раз и навсегда. Продвигаясь через мятежные территории, он не встречал никакого сопротивления. Вести о его расправе с апулийскими городами в прошлом году достигли самых отдаленных мест в Кампании, где местное население восприняло предназначенный ему урок. Армия Рожера не встречала никакого противодействия; тем временем властители Капуи и Алифе с тысячей пизанских воинов все еще ожидали основную часть обещанных подкреплений. Теперь пришел их черед избегать открытых сражений. Один за другим их замки пали. Даже Ночера, где Рожер всего два года назад пережил жестокое унижение, сдалась, как только стало ясно, что попытки Райнульфа выручить ее не удались. Король, столь же милосердный в этом году, сколь он был неумолим в 1133 г., не стал никого карать: воины гарнизона, как только они принесли ему присягу на верность, были отпущены по домам.

Весна сменилась летом, а пизанские и генуэзские корабли не появились. Их присутствие было теперь жизненно необходимо не столько из стратегических соображений, сколько потому, что ничто более не могло возродить боевой дух восставших. Наконец отчаявшийся князь Роберт отправился на корабле в Пизу, якобы чтобы обратиться с последним призывом о помощи, но также, как можно подозревать, спасая свою шкуру; Райнульф остался один перед наступающей армией. Графа Алифанского при всех его недостатках нельзя упрекнуть в трусости. Видя, что столкновения с шурином не избежать, он стал собирать всех своих людей для последнего решительного сражения. Но было поздно. Приспешники Рожера, трудившиеся в округе, были щедры и настойчивы; местные рыцари и бароны, которые оставались на стороне Райнульфа, внезапно его покинули. Райнульф понял, что проиграл. Он отправил послов к Рожеру, объявив, что он подчиняется без всяких условий и отдает себя на милость короля.

В конце июня Рожер и Райнульф встретились в деревне Лауро около Авеллино. Если верить аббату из Телезе, это была впечатляющая сцена:

«Упав на колени перед королем, он (Райнульф) сперва пытался поцеловать его ноги, но король собственноручно поднял его и сам хотел его поцеловать. Граф его остановил, умоляя сперва прекратить гневаться на него. И король ответил от всего сердца, что он не гневается. «Далее, – сказал граф, – я прошу, чтобы ты с этих пор считал меня своим рабом». И король ответил: «Так я и буду считать». Тогда граф произнес: «Пусть сам Бог будет свидетелем сказанного между тобой и мной». – «Аминь», – проговорил король. И тотчас же король поцеловал его, и они долго стояли в обнимку, некоторые из присутствующих тайком утирали слезы радости».

Рожер явно был совсем в другом настроении, нежели то, в котором он разбирался с Танкредом из Конверсано и апулийскими мятежниками год назад. В знак примирения он вернул Райнульфу жену и сына, послуживших, хотели они того или нет, причиной столь-

ких бед. Похоже, они были рады вернуться домой – факт, свидетельствующий, что графиня Матильда в своем давешнем нежелании возвращаться к мужу была не столь искренна, как казалось. Однако королевское великодушие имело свои пределы. Земли, которые изначально являлись частью приданого Матильды, Райнульф не вернули, а кроме того, от него потребовали отдать все территории, которые он завоевал с начала вражды.

Теперь у Рожера остался только один враг – Роберт Капуанский. Он, по слухам, все еще порицал пизанцев за то, что те его бросили; и именно в Пизу поспешил королевский посланник с условиями Рожера: если князь вернется в Капую до середины августа и выразит свою покорность королю, он будет утвержден в правах на все свои владения, исключая те, которые король отвоевал во время последней войны. В противном случае, если он предпочтет не возвращаться в Капую, его сын будет возведен на капуанский трон, при том что сам Рожер будет выступать в качестве регента, пока мальчик не достигнет подобающего для правителя возраста. Если, однако, Роберт собирается продолжать бунт, его земли будут отобраны; его княжество прекратит свое существование как отдельная территориальная общность, и все входящие в него области перейдут под прямой контроль сицилийской короны. Он вправе выбирать. Не получив никакого ответа, король вступил в Капую.

Это был, рассказывает аббат из Телезе, большой и процветающий город, защищенный не только стенами и башнями, но также широкой рекой Волтурно, омывающей их основания; пара десятков плавучих водяных мельниц были причалены по ее берегам. Теперь, однако, Капуя не оказала сопротивления. Короля приветствовали в кафедральном соборе с почетом и – если верить аббату из Телезе – с радостью. После этого Рожер принял герцога Сергия Неаполитанского, занимавшего довольно двусмысленную позицию во всей истории. Он не признавал притязаний Рожера в южной Италии и не делал секрета из своих симпатий к восставшим, но каким-то образом добился того, что сам он и его город стояли в стороне от реальной борьбы. Когда Капуя оказалась в руках короля, Сергей понял, что у него более нет иного выбора, кроме как прийти к соглашению. Он преклонил колени перед королем и поклялся ему в верности и покорности.

Мятеж был полностью подавлен. Неделей ранее горожане Беневенто, в очередной раз сменив ориентиры, изгнали представителей папы Иннокентия и вновь встали на сторону Анаклета и короля; наконец, впервые за три года, по всей южной Италии воцарился мир. В предыдущие годы Рожер лишь с наступлением осени возвращался домой к своей семье в Палермо; в 1134 г. он был свободен к концу июля.

Но если Рожер, судя по всему, разрешил свои проблемы, для историка одна проблема остается. Что случилось с подкреплениями, обещанными мятежникам великими морскими городами-республиками северной Италии? Переговоры завершились, цена была согласована, дата установлена. Окончательное соглашение было подписано в Пизе в присутствии лично папы Иннокентия в феврале и ратифицировано мятежными баронами неделю или две спустя. Сотня кораблей, полностью укомплектованных людьми, должна была прибыть в марте. Если бы это произошло, события лета 1134 г. приняли бы совсем другой оборот. Но суда не появились. Что им помешало?

Два письма святого Бернара, адресованные соответственно пизанцам и генуэзцам, похоже, дают нам важный ключ к разрешению этой загадки. К пизанцам⁷, характерным для него образом используя самого Всевышнего в качестве своего рупора, Бернар писал:

«Он сказал Иннокентию, своему помазаннику: «Здесь моя обитель, и я благословляю ее... С моей поддержкой пизанцы должны устоять перед атаками сицилийского тирана, не дрогнув перед угрозами, не соблазнившись подкупам и не обманувшись хитростями».

С генуэзцами Бернар говорит еще откровеннее:

⁷ Письмо 130.

«Я слышал, что вы приняли посланцев от графа (!) Рожера Сицилийского, но я не знаю, что они принесли и с чем вернулись. По правде, говоря словами поэта, «бойтесь данайцев, и дары приносящих». Если вы обнаружите среди своих соотечественников кого-то, кто настолько развращен, что держал в руках презренный металл, произведите немедленное расследование этого дела и судите его как врага вашего доброго имени и предателя»⁸.

Не подкупил ли король Сицилии ранней весной 1131 г. пизанцев и генуэзцев, а может быть, еще и венецианцев – заставив их нарушить взятые обязательства и сознательно медлить с отправкой флота, который они обещали в помощь Роберту Капуанскому? Мы никогда не узнаем этого с точностью. Нам известно, однако, что Сицилия при своем неимоверно выгодном для торговли географическом положении и финансовой активности была богата – богаче, чем любое другое государство ее размеров на Средиземном море, за исключением, возможно, Венеции; мы знаем также, что Рожер был блестящий, хотя и бесчестный дипломат, который всегда предпочитал покупать своих врагов, а не бороться с ними и имел большой опыт в коррупции. Подозрения святого Бернара на его счет, возможно, излишне суровы, но сомнительно, чтобы они были полностью ошибочны.

⁸ Письмо 129.

Глава 3 ИМПЕРСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ

*Так они пустились в путь
В апулийскую землю.
Такова была воля государя.
Имя государя было Рожер,
Король Лотарь его преследовал
До Сицилии.*

Хроника правления Аотаря II

Король, возвращаясь в Палермо в разгар лета 1134 г., наверное, чувствовал себя счастливым. Мир и порядок были восстановлены в южной Италии и царили теперь во всем королевстве. Хотя он пока не сумел показать себя как военачальник, достойный своих предков – Отвилей, его мужество на поле битвы больше не подвергалось сомнению. Его уважали в Италии друзья и противники. Германский император вместо того, чтобы идти на него войной, вернулся за Альпы; папа, которого он, единственный из всех государей Европы, поддерживал, прочно утвердился в Риме. Он хорошо выполнил свою работу.

Но беды Рожера еще не закончились. Вскоре после возвращения на Сицилию он серьезно заболел. Сам Рожер поправился, но его жену поразил, вероятно, тот же недуг. Греческие и арабские доктора в Палермо считались одними из лучших в мире, а в Салерно к услугам короля была самая передовая медицинская школа Европы; но все усилия оказались напрасны. В первую неделю февраля 1135 г. королева Эльвира умерла. Для нас она остается туманной фигурой, эта испанская принцесса, которая вышла замуж за Рожера при неизвестных нам обстоятельствах, когда ему было двадцать два года, и делила с ним жизнь в течение следующих восемнадцати лет. В отличие от его матери Аделаиды она, по-видимому, никогда не участвовала в государственных делах и определенно никогда не сопровождала мужа в походах, подобно его тетушке, грозной и незабываемой Сисельгаите из Салерно. Александр из Телезе отмечает, что она отличалась набожностью и прославилась делами милосердия, но у нас нет сведений о каких-то монастырях или церквях, основанных ею; слова аббата, вероятно, следует воспринимать как формальную дань вежливости со стороны дружественного хрониста по отношению к умершей королеве. Самым поразительным свидетельством является реакция Рожера на ее кончину. Его сердце было разбито. Он ушел в свое горе, не принимал никого, кроме нескольких придворных членов курии, так что, как утверждает Александр, не только его подданные в далеких землях, но и люди из его ближайшего окружения поверили, что он последует за женой в могилу.

Известия о его недавней болезни придавали дополнительный вес этой уверенности, и слухи о смерти Рожера вскоре распространились по континенту. В этот момент они несли с собой серьезную опасность. Старшему сыну короля едва исполнилось семнадцать, он был неопытен в войне и государственных делах. В сердцах Райнульфа Алифанского и других недавних мятежников вновь вспыхнула надежда; они решили ударить без промедления. Пизанцы, после месяцев запугивания со стороны Иннокентия, Бернара и Роберта Капуанского, более не уклонялись от исполнения своих обязательств и 24 апреля – через тринадцать месяцев после условленного срока – обещанный ими флот, взяв на борт восемь тысяч воинов, под предводительством Роберта стал на якорь в гавани Неаполя. Герцог Сергей без особых уговоров оказал Роберту теплый прием. Весть о прибытии флота стала аргументом колеблющихся. За несколько дней Кампания вернулась к прежнему хаосу.

История Италии в Средние века – и в другие эпохи – изобилует нескончаемыми беспощадными войнами, битвы затихали и вновь разгорались, города осаждались и брались, освобождались и возвращались, и всей этой тоскливой сваре, казалось, не будет конца. Для историка изучение всех перипетий долгой и безуспешной борьбы достаточно утомительно; для других это просто невыносимо. Поэтому я избавлю читателей книги от необходимости вникать во все детали военных кампаний, с помощью которых Рожер опять восстановил свою власть⁹. Достаточно сказать, что у восставших вскоре появились все основания сожалеть о своей поспешности. В первые шесть недель, воодушевленные распространявшимися повсюду слухами о смерти короля и отсутствием каких-либо опровержений из Палермо, они добились кое-каких успехов; но наместники Рожера на материке и военные гарнизоны под их командой прочно держали страну в своих руках и мешали дальнейшему продвижению. Затем, 5 июня, сицилийский флот появился в Салерно.

Отнюдь не угроза спокойствию континентальных владений вывела Рожера из апатии, в которую его ввергла смерть жены; причиной стал, скорее, гнев. Он не был вспыльчив и даже теперь, похоже, не ощущал особого раздражения по отношению к князю Капуи. Хотя, проигнорировав требование сдаться в прошлом году, Роберт оставался откровенным мятежником, хотя он, как вассал короля, нарушил клятву верности, он, по крайней мере, не запятнал свою честь принесением новой присяги всего за несколько месяцев до бунта. Другое дело – граф Алифанский и герцог Неаполитанский. В прошлом году они оба становились на колени перед Рожером, вкладывали свои руки в его и обещали ему свою преданность. Райнульф пошел даже дальше и, играя на родственных чувствах, проявлял такую приторную сентиментальность, что одно воспоминание о ней, должно быть, вызывало у Рожера тошноту. Такую черную и бесстыдную измену нельзя было простить.

Следует вспомнить в оправдание графа Алифанского, что он, возможно, искренне поверил слухам о смерти короля. Но, свойственник или нет, он не мог более рассчитывать на милосердие. Оставалось только тянуть время. Папа Иннокентий из своего пизанского убежища оказывал давление на североитальянские морские республики – особенно на Геную, чьи люди и суда, обещанные еще в 1134 г., до сих пор не появились, в то время как за Альпами настоятель Клерво метал со всех кафедр громы и молнии в адрес раскольнического папы в Риме и созданного им кукольного короля, обещая, что не успокоится, пока не организует новый крестовый поход против них. Даже теперь, если бы мятежники продержались достаточно долго, они бы могли спастись. С четырьмя сотнями своих последователей Райнульф поспешил в Неаполь. Роберт Капуанский, не откликнувшись на предложения короля о сепаратном мире, сопровождал его; а герцог Сергей, напуганный больше, чем они, охотно их принял и начал готовить свой город к осаде.

Обычному наблюдателю, знакомому с южноитальянской действительностью, возможно даже самому королю Рожеру, события лета 1135 г. могли показаться просто продолжением борьбы за власть, которая не прекращалась последние восемь лет. На деле с момента, когда три главных противника короля забаррикадировались в Неаполе, содержание борьбы изменилось. До сих пор это были внутренние дела, соперничество между королем и его вассалами. Тот факт, что король был в значительной степени ответственным за существование антипапы в Риме, а значит, за раскол, который пошатнул все основы европейской религиозной и политической стабильности, оставался за скобками. Ни одно иностранное государство реально не поднимало оружие против Рожера – не считая корпуса непунктуальных и чрезвычайно неэффективных пизанских наемников, – а когда сам Лотарь совершил свой долго ожидавшийся поход в Италию, он заботился только о собственной короне.

⁹ Любопытно, кто желает подробностей, найдет их во всей немилосердной полноте, вплоть до последней осажденной цитадели, в сочинении Шаландона.

Отступление в Неаполь ознаменовало тот момент, с которого главенство противодействий Рожеру перешло из рук его вассалов в сферу международных интересов. Папа Иннокентий и Бернар Клервоский давно осознали, что им не удастся изгнать Анаклета из Рима, пока король Сицилии в состоянии его защитить. Ясно, что Рожера следовало уничтожить; и столь же ясно, что император являлся тем человеком, который мог выполнить данную задачу. Святой Бернар поставил Лотаря в известность об этом. В конце 1135 г. он пишет императору:

«Мне не подобает призывать людей к битве; и все же я говорю вам со всей ответственностью, что долг поборника церкви – защитить ее от безумия схизматиков. Цезарь должен отстоять свою по праву принадлежащую ему корону от козней сицилийского тирана. Ибо как является оскорблением для Христа, что отпрыск евреев занимает престол святого Петра, так и любой человек, называющий себя королем Сицилии, оскорбляет императора».

Одновременно похожий призыв, хотя с совершенно другими мотивами, был направлен Лотарю с очень неожиданной стороны. В Константинополе император Иоанн II Комнин с беспокойством наблюдал за развитием событий в южной Италии. Апулийские порты, которые менее столетия назад входили в состав византийских Фем Лангобардских и на которые Восточная империя никогда не переставала претендовать, находились всего в шестидесяти – семидесяти милях от имперской территории через Адриатику; и богатые города Далмации представляли собой настолько заманчивую жертву для небольшого благородного пиратства, что в последние годы сицилийские капитаны не всегда могли устоять перед искушением. Другие рейды, на североафриканских побережьях, показывали, что король Сицилии недолго будет довольствоваться существованием в имеющихся у него владениях и, если его не остановить, может скоро подчинить себе все центральное Средиземноморье. Имелась также некая неясность, связанная с княжеством Антиохийским, основанным кузеном Рожера Боэмундом во время Первого крестового похода. Сын Боэмунда Боэмунд II погиб в бою в начале 1130 г., не оставив наследника, и король Сицилии выдвинул официальные притязания на наследство. Его обязанности в южной Италии до сих пор мешали ему заняться этим вопросом, но можно было предположить, что он вернется к нему, как только выдастся случай, а последнее, чего хотел бы император, – обнаружить сицилийскую армию, обосновавшуюся у его южной границы. Короче говоря, Рожер грозил вскоре оказаться занозой в теле Византии, не хуже чем Роберт Гвискар за полвека до того, и Иоанн решил это пресечь. В 1135 г. он отправил гонцов к Лотарю с обещанием щедрой финансовой поддержки для военной экспедиции, целью которой будет сокрушить короля Сицилии раз и навсегда.

По дороге в Германию византийское посольство остановилось в Венеции, чтобы заручиться поддержкой республики. Венецианские купцы также страдали от сицилийских каперсов; они уже исчисляли свои потери в сорок тысяч талантов. Дож потому с радостью согласился помочь и пообещал предоставить для похода на Сицилию венецианский флот, когда будет необходимо. Пока венецианские посланники присоединились к византийским, чтобы придать дополнительную убедительность греческим призывам.

Они обнаружили, что Лотарь не нуждается в уговорах. Ситуация в Германии за прошедшие два года улучшилась – в значительной степени благодаря авторитету императорской короны, – и враги Лотаря Гогенштауфены были вынуждены покориться. На этот раз у него не возникло трудностей в том, чтобы собрать внушительную армию. С нею император мог бы восстановить свою власть в Ломбардии, а потом, впервые войдя в свои южноитальянские владения, наказать выскочку Отвиля так, как он того заслуживал. После этого Анаклета можно не опасаться. Последний северный оплот антипапы, Милан, перешел к Иннокентию в июне, и раскол теперь сосредоточился в Сицилийском королевстве и в самом Риме. Если убрать с дороги Рожера, Анаклет останется вовсе без союзников и будет вынужден сдаться. Этот поход прекрасно годился для того, чтобы увенчать царствование Лотаря. Император

отправил епископа Гавельбергского в Константинополь с изъявлениями почтения к Иоанну и с сообщениями о том, что он намерен выступить против Рожера в будущем году. Затем без малейшего промедления старый император ввел специальный налог на всю церковную собственность – чтобы облегчить бремя его собственных расходов на экспедицию – и начал собирать армию.

Для Рожера 1135 г. был плохим. Собственная болезнь, смерть жены, новые неприятности в Италии, как раз тогда, когда казалось, что закон и порядок восстановлены, – вполне достаточно, чтобы у человека опустились руки. Но этот год, по крайней мере, закончился лучше, нежели начался; и три зачинщика бунта, Роберт, Райнульф и Сергей, отступив с такой невероятной быстротой за стены Неаполя, ясно доказали свою неспособность вести борьбу без поддержки извне.

И все же, пока еще оставалась надежда на эту поддержку, они отказывались сдаться. Теперь Роберт Капуанский также потерял свой последний шанс на прощение. Терпение короля иссякло. Чуть раньше он сделал своего старшего сына Рожера князем Апулии, а своего второго сына, Танкреда, князем Бари, лишив мятежного князя Гримоальда его владений. Этой осенью он провозгласил третьего сына, Альфонсо, князем Капуи вместо Роберта – вскоре после этого мальчика официально возвели в княжеское достоинство в кафедральном соборе Капуи. Все они были желторотыми юнцами, герцогу Рожеру едва исполнилось семнадцать, Танкред был на год или два младше, а Альфонсо едва вступил в пору отрочества. Но все трое были достаточно взрослыми, чтобы служить орудиями в исполнении замыслов своего отца, а эти замыслы заключались в том, чтобы не допускать появления могущественных вассалов вне его собственной семьи. К концу 1135 г. впервые все главные фьефы южной Италии оказались в руках Отвилей.

Всю эту зиму Неаполь держался. К весне 1136 г. в городе начался голод. Фалько упоминает, что многие жители, молодые и старые, мужчины и женщины, падали и умирали на улицах. И все же, добавляет он гордо, герцог и его сторонники оставались тверды, «предпочитая умереть с голоду, но не подставить свои выи под ярмо дурного короля». К счастью для них, Рожеру так и не удалось отрезать город полностью от внешнего мира; хотя осаждавшие перекрыли все подходы к Неаполю по суше, сицилийский флот не сумел достичь таких же результатов на море, так что и Роберт, и Сергей от случая к случаю выбирались в Пизу за припасами. Даже при подобной поддержке не похоже, что неаполитанцы смогли бы и дальше сохранять присутствие духа, если бы Роберт не совершил короткую вылазку ко двору Лотаря в Шпейер и не вернулся нагруженный императорскими наградами, чтобы сообщить, что император уже значительно преуспел в подготовке освободительной экспедиции.

Схожие сведения достигли и ушей Рожера, чьи соглядатаи не оставили у него никаких иллюзий по поводу того, сколь могучей будет императорская армия. Рожер начал собственные приготовления, исходя из того, что силы врага будут значительно превосходить по численности любое войско, какое он сможет собрать. На победу силой оружия рассчитывать не приходилось; оставалось полагаться на хитрость.

Только в середине лета армия Лотаря собралась в Вюрцбурге. У нас нет точных сведений о ее размерах, судя по перечню главных имперских вассалов, участвовавших в экспедиции, она существенно отличалась от той печальной маленькой компании, которая отправилась с Лотарем в Рим в 1132 г. В авангарде выступали герцог Генрих Гордый Баварский, зять императора, и Конрад Гогенштауфен, старый враг и соперник Лотаря, который теперь подчинился императору и был утвержден в правах на все земли и титулы в обмен на обещание участвовать в предстоящем походе. За ними следовало внушительное собрание меньшей знати и их свиты – маркграфы, платцграфы, ландграфы, бургграфы со всей империи – а также клирики, среди которых находились по крайней мере пять архиепископов, четырна-

дцать епископов и аббат. К третьей неделе августа огромная армия была готова выступить; и 21-го, возглавляемая Лотарем и императрицей, она двинулась на юг к Бреннеру.

За четыре года император не обрел популярности в ломбардских городах, но на сей раз размеры войска, находившегося под его командованием, внушали уважение. Неизбежно возникали ситуации, когда его людям приходилось обнажать мечи, но ничто всерьез не задерживало его продвижение. Около Кремоны имперская армия еще увеличилась за счет отряда из Милана; здесь же Лотаря ожидал Роберт Капуанский. В начале февраля 1137 г. император достиг Болоньи, где разделил армию на две части. Предполагалось, что сам он продолжит путь через Равенну к Анконе, а затем по Адриатическому побережью в Апулию; тем временем герцог Баварский с тремя тысячами рыцарей и, вероятно, двенадцатью тысячами пеших воинов должен был пройти через Тоскану и Папскую область, по возможности вернуть Иннокентия в Рим и заручиться поддержкой монастыря Монте-Кассино, прежде чем встретиться с тестем в Бари на Троицу.

Когда в 529 г. святой Бенедикт избрал высокий горный гребень, возвышающийся над дорогой между Римом и Неаполем, в качестве места для самого первого и крупнейшего из основанных им монастырей, он, сам того не желая, превратил аббатство в стратегически важный пункт, о чем его обитатели в течение пятнадцати последующих веков не раз сожалели. Позже, когда могущество и авторитет Монте-Кассино возросли, географические факторы отступили на второй план перед политическими, но нормандцы с их первых дней на полуострове рассматривали монастырь – в политическом и военном отношении – как один из главных ключей к господству на юге. Для Рожера II Монте-Кассино представлял собой даже нечто большее – жизненно важную крепость, почти самостоятельное государство, охраняющее границу, которая отделяла его королевство от Папской области.

Монастырь, со своей стороны, никогда не находил свое положение пограничной крепости слишком удобным. Однако в минуты сомнений он привык оглядываться на нормандцев. Монте-Кассино поддерживал хорошие отношения с наместниками Рожера на континенте, и, хотя несколькими месяцами ранее лояльность монастыря была – возможно, несправедливо – поставлена под подозрение, избранный в результате этого кризиса новый настоятель Райнальд являлся твердым сторонником короля. Когда Генрих Баварский прибыл к подножию горы в середине апреля, он обнаружил, что все окрестности умышленно опустошены, а ворота монастыря заперты. Генрих уже проделал трудный путь через Тоскану. Пиза и некоторые другие города, которые хранили верность Иннокентию, оказали ему помощь, как могли; но Флоренция и Лукка подчинились только после упорного сопротивления, и Генрих еще добивался покорности Гроссето, когда в начале марта Иннокентий, возможно сопровождаемый святым Бернаром, выехал из Пизы, чтобы к нему присоединиться.

С самого начала герцог и папа, похоже, сильно невзлюбили друг друга. Генрих был при всем при том человеком более сильным и непреклонным, чем его тесть. Как один из высших аристократов империи, имевший все шансы наследовать трон после смерти Лотаря, он не намеревался идти на уступки, о которых впоследствии мог бы пожалеть; как военачальник, он имел свою задачу; и у него не было никакого желания выполнять указания папы или кого-то другого. Первый конфликт возник после взятия Витербо; контрибуция в три тысячи талантов – примерно соответствующая двум тысячам фунтов серебра – была затребована Иннокентием на основании того, что город лежит в пределах Папской области, но отобранана Генрихом, как законная военная добыча. Затем герцог не пошел в Рим. Он утверждал, что разумнее сокрушить сперва Рожера и предоставить Анаклету, лишившемуся всякой поддержки, сдаться самому, нежели тратить время и силы на насильственное изгнание его из собора Святого Петра. На такие доводы возразить было нечего, и Иннокентий их принял; но это означало, что его изгнание продлится на неопределенный срок – не говоря о пер-

спективе тащиться жарким апулийским летом вслед за имперской армией, – и не улучшало настроения папы.

И в довершение всего возникли неприятности с Монте-Кассино – колыбель западного монашества надменно бросила вызов не только имперской армии, но самому Иннокентию. Одиннадцать дней Генрих ждал, перекрыв все подходы к монастырю, и напрасно высматривал какие-либо признаки того, что монахи готовы пойти на уступки. Ничего не произошло. Монастырские кладовые ломились от припасов, обитатели были сильны и пребывали в наилучшем расположении духа; а взять монастырь штурмом было практически невозможно. Герцог, который должен был присоединиться к Лотарю в Апулии в конце мая, не мог медлить. Смирив свою гордость, он послал гонца на гору с предложением переговоров.

Аббат Райнальд, хотя и поддерживал Рожера, заботился прежде всего о собственном монастыре, и его главной целью было как можно быстрее избавиться от Генриха и его армии. Потому, когда герцог предложил оставить Монте-Кассино в покое и утвердить Райнальда в качестве настоятеля за небольшое вознаграждение золотом и позволение имперскому знамени развиваться над цитаделью, аббат охотно согласился. Иннокентий уже отлучил монастырь за анаклетанские симпатии. Его реакция на это новое соглашение, по которому наиболее почитаемое религиозное учреждение Европы – и ко всему прочему расположенное на самой границе Папской области – оставлялось в руках нераскаявшегося сторонника Анаклета и под имперским, а не под папским знаменем, не описана ни в одной хронике¹⁰. Наверное, она была соответствующей.

Когда герцог Генрих вел свои войска на юг через Гарильяно, формально он мог поздравить себя с победой, но, очевидно, не мог питать никаких иллюзий на ее счет. Имперский флаг, развевающийся над монастырем, мог заставить местных сторонников Рожера засомневаться, но при отсутствии гарнизона ничто не мешало аббату спустить флаг, как только германская армия исчезнет из вида. Однако в Капуе, в следующем пункте их путешествия, дела пошли лучше. Сразу по прибытии герцога два местных барона, которых Рожер поставил защищать город, предали своего повелителя и открыли ворота; а князь Роберт, который шел с армией от Кремоны, вновь занял свой трон. Горожане приняли его достаточно охотно. Большинство из них всегда считали его своим законным господином с более несомненными и более древними правами, чем имелись у короля Сицилии; остальные, видя, что Роберта поддерживает такая могущественная сила, смирились с неизбежным. Роберту, правда, пришлось заплатить Генриху четыре тысячи талантов, дабы его люди не опустошили город; но в общем, возвращение на престол обошлось ему достаточно дешево.

Теперь настал черед Беневенто. На сей раз горожане держались твердо, но по неразумию предприняли, как они полагали, неожиданную атаку на имперский лагерь. Это оказалось ошибкой. Нападавшие бежали обратно в город, и преследователи ворвались в ворота следом за ними. Наутро – это было воскресенье 23 мая – беневентцы сдались на условиях, что их город не будет разрушен и что давние сторонники Анаклета не пострадают. Герцог согласился; только кардинал Кресченти, наместник Анаклета, который уже отправлялся в изгнание пятью годами раньше, был захвачен своим старым врагом и выдан Иннокентию, который приговорил кардинала провести остаток дней в монашеской келье.

Ободренные своими успехами – хотя, возможно, немного разочарованные тем, что их лишили законного дня, отпущенного на разграбление города, – войска Генриха продолжили путь через горы в Апулию, соединившись с Лотарем в Бари как раз вовремя, чтобы при-

¹⁰ Согласно «Хронике правления Лотаря», длинной и многословной, написанной стихами около 1150 г., аббатство было на самом деле захвачено группой воинов Генриха, которые вошли, переодевшись паломниками, спрятав мечи под одеждой. Но этот рассказ в том или другом варианте явился едва ли не обязательным общим местом в средневековых повествованиях об осаде монастыря – см. «Нормандцы в Сицилии». Единственное, что удивительно, это то, что Бернард, пунктуальный (хотя и тенденциозный) биограф Лотаря, воспринял историю всерьез.

нять участие в благодарственном молебне на Троицу. Императору в самом деле было за что благодарить Господа. Его путешествие по полуострову прошло более гладко, нежели у его зятя. Равенна его приветствовала. Анкона сопротивлялась, но поплатилась за это. Жестокость Лотаря по отношению к ней послужила предупреждением для других, и многие местные бароны предложили императору свою службу, а часто и материальную помощь. Города были настроены враждебно, хотя, зная судьбу Анконы, проявляли угрюмую покорность, но в сельской местности большинство баронов вполне добровольно перешли на сторону императора.

За апулийской границей Лотарь не встретил никакого сопротивления, пока не достиг Монте-Гаргано. Там старый замок Роберта Гвискара Монте-Сан-Анджело¹¹ держался три дня против Конрада Гогенштауфена и сдался, только когда Лотарь прибыл с основной армией из Сипонто и сумел взять его штурмом. Неизвестный саксонский анналист, который оставил нам наиболее детальное описание всей кампании, рассказывает, что Лотарь затем спустился в пещерную часовню, где началась нормандская эпопея, и «смирненно поклонился благословенному архангелу Михаилу». Его смирение, однако, не помешало ему украсть из часовни сокровища – золото и серебро, драгоценные камни и облачения, подаренные герцогом Далматинским за несколько лет до этого. Оно также не смягчило его сердце по отношению к тем, кто ему противостоял, а позже попал в его руки. Увечья, отрезание частей тела и вырывание ноздрей были для императора в порядке вещей; и он внушал такой ужас, что, когда он возвращался назад через те же земли, люди разбежались при его приближении.

К счастью для Апулии, Лотарь спешил и не хотел тратить время на длительные осады, пока с ним была только половина армии. Города, которые, подобно Трое или Барлетте, сопротивлялись твердо и с воодушевлением, он просто оставлял в покое: они могли подождать, пока придет его зять. В Трани, однако, ситуация сложилась иначе. Как только император подошел к городу, жители восстали против сицилийского гарнизона – он, вероятно, состоял большей частью из сарацин, которые не пользовались любовью в Италии, – и разрушили цитадель. Сицилийский флот, посланный на помощь гарнизону, был разбит. Дорога на Бари оказалась открыта.

Неудивительно, что германские воины, собравшиеся в церкви Святого Николая в Бари на Троицу¹², чтобы прослушать благодарственный молебен, проведенный самим папой, пребывали в радостном и приподнятом настроении. Столь благословенным был этот час, что, по свидетельству саксонского анналиста, присутствовавшие видели во время службы большую золотую корону, опускавшуюся с небес на церковь; над ней парил голубь, в то время как в ней раскачивалась дымящаяся кадильница с двумя горящими свечами. Это неуклюжее видение было несколько преждевременным, поскольку сицилийский гарнизон еще удерживал цитадель; прошел еще месяц, прежде чем он наконец сдался. Но в общем у императора имелись причины радоваться. Он и герцог Генрих продемонстрировали могущество империи по всей южной Италии; они встретились и привели свои армии практически без потерь в назначенное время в назначенное место; и, хотя из-за недостатка времени им приходилось в некоторых случаях идти на компромиссы, они ни разу не потерпели поражения. Сицилиец – они никогда не называли его королем – терпел неудачу за неудачей. Его вассалы, включая членов его собственной семьи, предали его; то же сделали и несколько его городов. Гарнизоны сдавались без борьбы, могучий флот обратился в бегство. Его главный враг Роберт

¹¹ Его руины стоят до сих пор и производят большое впечатление.

¹² См. иллюстрацию. Эта знаменитая церковь с большими башнями у западной стены, одной лангобардской, а другой в полувосточном стиле, была построена, чтобы дать приют мощам святого Николая Мирликийского – позже превратившегося в Санта-Клауса, – после того как они 9 мая 1087 г. при весьма сомнительных обстоятельствах оказались в Бари. Верхняя галерея теперь превращена в маленький музей. Там хранится, помимо прочего, огромная корона и эмалевый портрет святого с Рожеером II.

Капуанский вернул себе власть и все свои владения. И ни разу с тех пор, как началась кампания, Рожер не отважился посмотреть в лицо врагу. Он, оказывается, был не только узурпатором, но и трусом.

Так, наверное, думал Лотарь, однако все было не столь просто. Рожер оставался на Сицилии, не предпринимая никаких попыток остановить продвижение императора, поскольку он знал, что император слишком силен, чтобы с ним драться, и поэтому он должен следовать своему старому принципу и избегать открытых столкновений. На Рожера работал только один фактор, но жизненно важный – время. Лотарь мог зайти сколь угодно далеко, хоть до Мессинского пролива, где, в этом Рожер не сомневался, он сумеет его сдержать; но рано или поздно император повернет назад, как многие армии захватчиков до него, из-за болезней, непереносимой летней жары Апулии или из-за необходимости добраться до Альп прежде, чем первые снегопады сделают перевалы непроходимыми. Оставалась теоретическая возможность, что старый император решит зимовать в Италии и продолжать кампанию в следующем году; но это казалось маловероятным. Армия заставит его вернуться, и он сам не захочет надолго оставлять свой трон пустым. Определенно, ни одна предыдущая имперская экспедиция не отважилась задержаться в Италии на два года, а прошлый опыт свидетельствовал, что, хотя подобные экспедиции могли иметь значительный успех на короткое время, достигнутые ими результаты редко сохранялись долго после того, как войска уходили. Сейчас единственный разумный способ действий состоял в том, чтобы поощрять врага, заставляя его продвигаться как можно дальше и растрачивать свои силы.

И еще одного полезного результата можно было добиться даже на этой стадии дипломатическим путем. Беды Рожера проистекали по большей части из того, что два самых могучих противника, император и папа, объединились против него. Если бы только удалось их развести, какое-то урегулирование стало бы возможным. Итак – согласно саксонскому анналисту – Рожер отправил гонца к Лотарю с мирными предложениями; если император останется и признает его королем, он, со своей стороны, поделит королевство на две части. Он сам будет по-прежнему править на Сицилии, а континентальные владения передаст своему сыну, который впредь будет их держать как имперский фьеф. В дополнение он выплатит Лотарю солидную контрибуцию и пришлет второго сына в заложники.

Предложение было вполне в духе Рожера. Оно выглядело разумно и хитро, а кроме того, подтверждало имперские притязания на южную Италию, о которых нормандцы не вспоминали девяносто лет – с тех пор, как Дрого де Отвиль получил подтверждение своих прав от императора Генриха II (см. «Нормандцы в Сицилии»). На практике, правда, оно означало гораздо меньше, чем на словах; Рожер уже отдал сыновьям континентальные фьефы и явно надеялся со временем возложить на них полностью правление на континенте. Формальный сюзеренитет империи, который в теории существовал всегда, реально не будет иметь никакого значения, как только император благополучно окажется за Альпами. Тем не менее речь шла о важной политической уступке; а тот факт, что Рожер предлагал в заложники своего сына, удостоверял его искренность. Если бы Лотарь исходил только из собственных интересов, он по здравом размышлении принял бы предложенные условия, которые, хотя и давали ему меньше, чем он рассчитывал получить, укрепляли империю и казались вполне исполнимыми.

К сожалению, имелся еще папа Иннокентий, который желал только одного – немедленно и навсегда изгнать Анаклета из Рима. Это был важный вопрос, и нарочитое молчание Рожера по этому поводу представляется загадкой.

Действительно ли он верил, что может склонить Лотаря к сепаратному миру и заставить его отправиться назад в Германию, не предприняв никаких действий против антипапы? Или ради заключения мира он был готов предоставить Анаклета его судьбе и ожидал следующего тура переговоров, чтобы открыто заявить об этом? Ни одно из предположений

не кажется правдоподобным. Рожер был слишком реалистичным государственным деятелем, чтобы рассчитывать на первый вариант, и слишком трезвомыслящим союзником, чтобы обдумывать второй. Но есть третье объяснение, которое гораздо лучше согласуется с тем, что мы знаем о характере Рожера и о последующих событиях. Рожер вовсе не собирался заключать соглашение с императором – его цель состояла в том, чтобы предложить Лотарю самое соблазнительное соглашение из всех, какие Рожер мог принять без ущерба для себя и единственным препятствием к которому являлись проблемы папства, породив таким образом дополнительные сложности в отношениях между императором и папой.

А эти отношения с каждым днем ухудшались. Иннокентий в принципе был симпатичным человеком. Хотя он происходил из древнего и благородного римского рода – Папарески, – его современники, в частности епископ Арнульф из Лизьё, пишут о его простоте и спокойной скромности его манер. Он никогда не повышал голоса, который, как мы знаем, был тихим и приятным. Его частная жизнь была безупречна. До того как он стал папой, он не имел врагов, и даже впоследствии никто не выдвинул против него никаких серьезных обвинений. Однако за этой довольно бесцветной наружностью скрывалось врожденное упрямство, которое, особенно когда папу поддерживал святой Бернар, заставляло его отвергать любые компромиссы. Иннокентий твердо решил получить признание и кафедру в Риме до того, как умрет, но ему было уже около семидесяти, и времени оставалось все меньше. Между тем имперская армия большую часть года, проведенного в Италии, игнорировала или отвергала его настояния. Воины тешили себя дешевыми триумфами в отдаленных уголках полуострова, а он, Иннокентий, ни на шаг не приблизился к престолу святого Петра.

Мы можем вообразить себе папу, спокойно, но настойчиво говорившего о своих желаниях с Лотарем, когда они встретились в Бари; и его слова безусловно придавали дополнительную живость историям, которые император уже слышал от своего зятя, о поведении Иннокентия в Витербо, Монте-Кассино и других местах. Но эти личные и политические различия были сами по себе только отражением общего недовольства, ощущавшегося теперь в имперском лагере. Холодность, давно существовавшая в отношениях между германской армией и папской свитой, переросла в открытую вражду. В какой-то степени она могла проистекать из естественной антипатии между тевтонами и латинами или между воинами и духовенством; но имелись и другие, непосредственные причины. Климат Бари – болотистый и тяжелый, лето здесь беспощадно; малярия стала настоящим бичом; и за месяц, который имперские войска вынуждены были провести осаждая цитадель, – с прошлой зимы они не оставались так долго на одном месте – они утратили уверенность и боевой дух. Они внезапно осознали со всей ясностью, сколь бессмысленно и безнадежно воевать против врага, который отказывается выходить на битву. Для того чтобы принудить Рожера к сражению, им понадобится пройти еще несколько сотен миль в прямо противоположном направлении через варварскую и все более враждебную страну и предпринять морской переход – краткий, но в данных обстоятельствах сложный и опасный. На все это уйдет год по меньшей мере, а они уже десять месяцев не были дома и не виделись со своими семьями. И ради чего? Чтобы компания высокомерных, постоянно жалующихся итальянцев могла водвориться в Риме – еще двух сотнях миль и опять не по пути, – где их явно не ждали и где уже имелся вполне приемлемый папа.

Если Лотарь действительно предполагал пойти через Калабрию на Сицилию – а далеко не ясно, что это было так, – новые настроения в армии быстро его разубедили. Феодальный закон строго ограничивал срок службы вассала сеньору, и даже император не мог заставить своих людей оставаться на службе дольше против их воли. После капитуляции гарнизона Бари – чью стойкость Лотарь покарал, повесив многих защитников цитадели на виселицах вокруг города и сбросив остальных в море, – он отказался от дальнейшего продвижения

вдоль побережья. Достигнув Трани, император повернул и направился в глубь страны, возможно рассчитывая на то, что воздух Апеннин остудит недовольство его армии.

Этого не произошло. Не помогли даже захват Мельфи, первой крепости Отвилей в Италии, и истребление трех сотен ее защитников. К тому времени имперский лагерь был наводнен приспешниками Рожера, которые разжигали недовольство и подкрепляли свои слова свободной раздачей сицилийского золота. Они преуспели настолько, что сумели, пока армия еще стояла в Мельфи, подговорить нескольких воинов напасть на папу и его кардиналов и хладнокровно их убить. Лотарь услышал о нападении как раз вовремя; он вскочил на коня, помчался к папской палатке и ухитрился навести порядок, прежде чем случилось непоправимое. Рассерженные и обиженные рыцари в очередной раз последовали за Лотарем в горы.

В Ладжопезоле император прервал поход. Две недели его армия отдыхала; а тем временем Лотарь в присутствии аббата Райнальда и делегации из Монте-Кассино вел переговоры о статусе монастыря и его взаимоотношениях с империей и папством. Подробный рассказ об этих событиях – даже если бы нам удалось отделить правду от лжи в удручающе недостоверной хронике монастырского библиотекаря Петра Дьякона – не представляет для нас особого интереса; но выводы достаточно ясны. Райнальд и его братья обязались подчиняться «папе Иннокентию и всем его законно избранным преемникам» и «отвергать и проклипать все расколы и ереси», а особенно «сына Петра Леони и Рожера с Сицилии и всех, кто за ними следует». Только после этого монахи, босые, приблизились к Иннокентию и были возвращены с поцелуем мира в лоно церкви.

Сам Лотарь, у которого имелись свои соображения по поводу имперского статуса монастыря, наверное, был не так доволен исходом этого дела, как Иннокентий. Но он не мог рисковать открытым разрывом с папой и, возможно, хотел как-то загладить инцидент в Мельфи. Кроме того, к нему пришли вести о гораздо более интересных событиях. Пизанский флот из ста кораблей появился у берегов Кампании; Исхия, Сорренто и Амальфи сдались. Пизанцы затем хотели освободить Неаполь, но сицилийская блокада оказалась слишком прочной для них, поэтому они направились на юг и атаковали Салерно, континентальную столицу Рожера.

Стремясь поддержать пизанцев – а также, как можно подозревать, находиться в гуще событий на случай дальнейших быстрых побед, – император поспешно послал герцога Генриха и Райнульфа Алифанского с тысячей рыцарей к Салерно. Они прибыли и обнаружили, что город уже осажден Робертом Капуанским, с чьей помощью они без труда сумели перекрыть все подходы к Салерно с наземной стороны. Тем временем пизанцы, захватившие весь амальфийский флот примерно из трехсот кораблей, получили подкрепление – еще восемьдесят судов – из Генуи. У их противников-сицилийцев имелось всего сорок кораблей, стоявших в гавани Салерно. Осада Неаполя, продолжавшаяся два года, была снята, чтобы высвободить все людские ресурсы и корабли для защиты столицы; но при таком численном превосходстве врага надежд у защитников было мало, и они об этом знали.

Даже теперь, когда его итальянское королевство оказалось захвачено и самой его столице грозила опасность, Рожер бездействовал. Его поведение могло показаться трусостью, но реально это был единственно возможный путь. Отплыть из Палермо во главе новой армии сарацин значило проявить героизм, но не государственную мудрость; этот поход закончился бы неминуемым поражением, от которого Рожер, даже если бы уцелел сам, никогда бы не смог оправиться. Итак, король остался на Сицилии, предоставив оборону Салерно своему наместнику – англичанину Роберту из Селби.

Роберт был первым в длинной череде своих соотечественников, которые на протяжении столетия отправлялись на юг, чтобы служить королям Сицилии. Мы ничего не знаем о его жизни до этого момента, но за годы, проведенные под южным солнцем, он, очевидно,

прошел долгий путь, чтобы спустя десять лет заслужить репутацию, позволившую английскому историку Джону из Хексхема описывать его как «самого влиятельного из друзей короля, человека очень богатого и осыпанного почестями». Он был назначен наместником Кампании всего за несколько месяцев до описываемых нами событий и полностью оправдал доверие короля. Салерно все это несчастное лето твердо хранил верность своему суверену. Городской гарнизон из четырехсот рыцарей не утратил присутствия духа, воины и горожане вместе были полны решимости защищаться и три недели боролись яростно и мужественно.

Затем 8 августа оставшаяся часть императорской армии появилась из-за гор на востоке во главе с самим императором. Лотарь изначально намеревался предоставить осаду своему зятю; но лето подходило к концу, и неожиданная стойкость горожан заставила императора переменить свое решение. Дальнейшие события показали его правоту. Для салернцев прибытие Лотаря означало две вещи: во-первых, при таком подкреплении у них уже не оставалось надежды продержаться до зимы, когда, как они рассчитывали, германцы уйдут; во-вторых, быстро сдавшись императору и одновременно попросив об имперском покровительстве, они могли спасти город от грабежей и мародерства пизанцев. Это мнение, исключительно разумное, Роберт Селбийский полностью разделял. Собрав старейшин города, он заявил им об этом. Сам он, как представитель короля во всей провинции, конечно, не мог принимать участия ни в какой капитуляции; речь шла только о Салерно. Тем не менее он посоветовал горожанам, не теряя времени, отправить депутацию в имперский лагерь, чтобы просить мира и защиты.

На следующий день все было улажено. Лотарь, удивленный, обрадованный и, без сомнения, довольный этим новым доказательством его престижа, предложил необыкновенно мягкие условия. В обмен на контрибуцию салернцам гарантировались жизнь и сохранность всей их собственности; даже четверемстам рыцарям гарнизона предоставлялась свобода. Роберт Селбийский с небольшим отрядом отступил в цитадель, расположенную на возвышенности над городом, – тот самый «нормандский замок», который был свидетелем противостояния последнего независимого князя Салерно и Роберта Гвискара шестьюдесятью годами ранее и чьи руины до сих пор можно видеть. Роберт Селбийский намеревался удерживать крепость с развевающимся над ней сицилийским знаменем, пока сам король его не выручит. И пусть, когда наступит этот момент, король обнаружит, что его континентальная столица по-прежнему стоит.

Соглашение приветствовалось всеми заинтересованными сторонами, за исключением одной. Пизанцы пришли в ярость. Они не только мечтали захватить в Салерно богатую добычу, но и рассчитывали таким образом избавиться от одного из своих главных соперников в торговле на ближайшие годы, а может быть, десятилетия. Император без них никогда не завоевал бы город; папе они предоставляли убежище в течение последних семи лет, и при этом они не получили ничего. Если таковы плоды союза с императором, они в нем не нуждаются. И если император заключил сепаратный мир с их врагом, то они вправе сделать то же самое. Один из пизанских кораблей поспешил на Сицилию, чтобы договориться с Рожером; другие обиженно вернулись домой.

Папа Иннокентий впоследствии сумел как-то успокоить пизанцев, но для Лотаря их дезертирство уже не имело значения. Для него военная кампания окончилась. Он, вероятно, сам не мог сказать, сколь долговечными окажутся достигнутые им успехи. Ему определенно не удалось полностью сокрушить короля Сицилии, как он надеялся; но все же он нанес сицилийцу удар, от которого тот едва ли оправится. Теперь главной задачей было организовать правление в южной Италии, чтобы заполнить пустоту, которая неизбежно образуется, когда имперская армия уйдет. Имелось три возможных претендента на герцогство Апулия – Сергей Неаполитанский, Роберт Капуанский и Райнульф Алифанский. Сергей и Роберт и так

были могущественными князьями, и император не желал их дальнейшего усиления. Граф Алифанский, со своей стороны, несмотря на свойство с Рожером – или, может быть, именно поэтому, имел больше причин бояться сицилийца, чем двое других. Двуличный и ненадежный, в чем все имели случай убедиться, он, когда речь шла о его собственных интересах, действовал храбро и решительно. Далее – хотя Лотарь едва ли это признавал – Райнульф обладал коварным даром убеждать и располагать к себе людей, под чары его в прошлом попал Рожер; и теперь неприветливый старый император легко пал жертвой обаяния графа Алифанского. Итак, Лотарь сделал выбор. Только Райнульфу, решил он, можно вверить герцогство, дабы он сохранял его для империи. Утверждение его в правах на новый титул и владения должно было стать последней официальной церемонией итальянской экспедиции и завершить ее.

Но кто ее осуществит? Едва возник этот вопрос, старое соперничество между империей и папством вспыхнуло с новой силой. В ответ на заявление Лотаря, что девятью годами назад Дрого де Отвиль получил титул герцога Апулийского от императора Генриха III, Иннокентий спокойно указал, что Роберт Гвискар был утвержден в правах папой Николаем II. В конце концов нашлось компромиссное решение – трехсторонняя церемония, во время которой Райнульф получил свое символическое копье из рук папы и императора; Лотарь держал древко, а Иннокентий – наконечник. Генрих Баварский, который уже давно сетовал на то, что (по его мнению) его тесть слишком охотно уступал папским претензиям, был в ярости, и многие германские рыцари разделяли его чувства. Но Лотаря это не волновало. Он сохранил свое лицо и не желал ничего большего. Он был стар, устал и хотел домой.

В конце августа император тронулся в путь. В Капуе его ожидала неприятная новость: аббат Райнальд из Монте-Кассино меньше чем через месяц после принесения клятвы в Лагопезоле вступил в сношения со сторонниками сицилийского короля. Иннокентий при поддержке святого Бернара воспользовался возможностью показать свою власть над Монте-Кассино и назначил по собственной инициативе комиссию из двух кардиналов и самого Бернара, чтобы проверить законность недавнего избрания Райнальда. 17 сентября перед трибуналом, состоящим из представителей империи и папства, включая святого Бернара, который, как всегда, взял на себя роль главного оратора, избрание Райнальда было объявлено незаконным. Несчастному аббату оставалось только положить кольцо и посох на надгробие святого Бенедикта; Вибальд, аббат из Ставело, упрямый лотарингек, сопровождавший экспедицию с самого начала, был «избран» на его место. Нам не рассказывают, какими методами монахов вынудили принять столь явного имперского кандидата, но при том, что германская армия стояла лагерем у подножия холма, у них, вероятно, не было выбора.

Здоровье Лотаря стало быстро ухудшаться; и все его приближенные понимали, что дни его сочтены. Он и сам это знал, но не хотел останавливаться. Он был немец и хотел умереть в Германии. Райнульф, Роберт Капуанский и вассалы из Кампании сопровождали его до Аквино, где проходила граница нормандских владений. Отсюда, оставив восемьсот своих рыцарей помогать мятежникам после его отбытия, император двинулся дальше по дороге, ведущей к Риму, но, не дойдя до города, повернул к Палестрине. Для него уже больше не могло идти речи о возвращении Иннокентия на престол святого Петра. В монастыре в Фарфе он попрощался с папой. С этих пор Иннокентий должен был сражаться сам.

Хотя они шли со всей скоростью, на которую была способна его павшая духом, наполовину разбежавшаяся армия, император достиг подножия Альп только к середине ноября. Его спутники умоляли его перезимовать здесь. Болезнь все больше овладевала им; будет безумием, говорили они, пересекать Бреннер в такое время года. Но старик знал, что не может ждать. Со всей решительностью умирающего он настоял на своем и к концу месяца спустился в долину Инна. Но тут последние силы покинули его. В маленькой деревушке

Брайтенванг в Тироле он наконец остановился; его отнесли в бедную крестьянскую хижину; и здесь 3 декабря 1137 г. в возрасте семидесяти двух лет он умер¹³.

¹³ Проезжая недавно через Брайтенванг, я поинтересовался, сохранилась ли там какая-нибудь память о Лотаре, и меня направили к довольно большому дому, на котором была укреплен табличка. Надпись гласила: «Здесь умер 3 декабря 1137 г. Лотарь II Немецкий и римский император на руках своего зятя Генриха дез Штольца».

Глава 4

ПРИМИРЕНИЕ И ПРИЗНАНИЕ

Благодарим Бога, даровавшего победу церкви... Наша печаль претворилась в радость, и наши плачи – в звуки лютни... Бесплодная ветвь, гниющий член был отрезан. Негодяй, который ввел Израиль во грех, поглощен смертью и ввергнут в чрево ада. Пусть всех подобных ему постигнет та же судьба!

Св. Бернар о смерти Анаклета (Письмо к Петру, аббату Ключи)

За двенадцать лет, прошедших после его прихода к власти, Лотарь Зупплинбургский доказал своим германским подданным, что достоин занимать имперский трон. Честный, храбрый и милосердный по меркам своего времени, он вернул мир в страну, раздираемую междоусобицами; ревниво относившийся к своим императорским прерогативам, он был также искренне верующим человеком и приложил много усилий, чтобы исцелить церковь от раскола. В общем, его соотечественники, когда он их покинул, были более счастливыми и процветающими, чем во времена его вступления на трон. Однако к югу от Альп он, по видимому, потерял свое чутье. Италия для него была незнакомой и чужой страной; ее народу он не доверял и не понимал его.

Так и не решив точно, является ли его главной задачей вернуть в Рим истинного папу или сокрушить короля Сицилии, Лотарь не исполнил ни того ни другого; отсутствие четкого плана породило в нем неуверенность, которая толкала его к проявлению нехарактерной для него жестокости, с одной стороны, и к опасной беспечности – с другой.

Он слишком поздно понял, что его демонстрация собственного могущества в континентальных владениях короля Сицилии была борьбой с тенью и что единственным способом подчинить Рожера являлось его полное уничтожение. Если бы император бросил все свои силы с самого начала на морскую атаку против Палермо, он мог бы преуспеть; но ко времени, когда он осознал необходимость подобного шага, его армия готова была взбунтоваться, папа из союзника все более превращался в антагониста, а сам он, ослабевший от усталости, непривычного южноитальянского климата и быстро развивающейся болезни, медленно умирал.

Прошло меньше трех месяцев после того, как имперская армия покинула Монте-Кассино, когда императрица Риченца закрыла глаза своему мертвому мужу; но к этому времени Рожер уже восстановил контроль над большей частью своей территории. Трудно найти более убедительное оправдание его политики в минувший год. Короля приветствовали в Салерно, когда он туда прибыл в начале октября; а на его пути через Кампанию никто не выступил против него, хотя вновь прибывшие сарацинские войска сеяли смерть и разрушения. Капуя пострадала сильнее всего. Роберт находился в Апулии, но на его город, если верить Фалько, словно обрушился ужасный ураган, а население было истреблено огнем и мечом. «Король, – продолжает хронист, – приказал полностью разорить город... его воины разграбили церкви и обесчестили женщин, и даже монахинь». Фалько, как мы знаем, при всем своем желании не мог быть объективным, но, даже делая скидку на его ненависть к нормандцам, мы можем заключить из его описаний, что Рожер вновь решил преподать урок мятежным городам, как он это сделал после предыдущего апулийского восстания. Беневенто он пожалел из уважения к его статусу папского города; Неаполь тоже легко отделался после того, как герцог Сергей во второй раз за три года пал к ногам короля и поклялся в верности. Немногие простили бы вторую измену, но Рожер по природе был милосердным человеком;

он мог решить, что за время долгой и жестокой осады неаполитанцы достаточно настрадались.

Сделал ли Сергей нужные выводы? Стал ли он в конце концов верным вассалом? Этого мы никогда не узнаем, поскольку в ближайший месяц он умер. В третью неделю октября Сергей сопровождал короля в Апулию, где Райнульф, решив защищать свое новое герцогство, собирал армию. С восемьюстами немецкими рыцарями, оставленными Райнульфу Лотарем, почти таким же количеством местных добровольцев и пешими воинами в соответствующей пропорции она представляла собой внушительную силу; для Рожера было бы разумно избежать прямого столкновения. Но возможно, успехи в Кампании вскружили ему голову; либо отчаянное желание разделаться наконец с этим нескончаемым мятежом мешало ему мыслить здраво. Так или иначе, именно он, а не Райнульф решил дать бой возле деревни Риньяно, там, где юго-западный склон Монте-Гаргано спускается с высоты двух тысяч футов на апулийскую равнину.

На короле также лежит ответственность за последующее поражение. Его юный сын Рожер, которого он за два года до этого сделал герцогом Апулийским и для которого это было первое крупное сражение, в своем стремлении отвоевать собственные владения показал себя истинным наследником Отвилей. Он бесстрашно устремился на врага и оттеснил войска Райнульфа к Сипонто. Король тем временем повел вторую атаку. Что именно произошло, мы никогда не узнаем, но он был полностью разгромлен. Фалько с ликованием отмечает – хотя его рассказ ничем не подтвержден, – что король Рожер бежал первым. Он направился прямо в Салерно, оставив Сергия, тридцать девятого и последнего герцога Неаполя, лежать мертвым на поле битвы.

В то время когда Райнульф разбил Рожера при Риньяно – 30 октября 1137 г., – королю Лотарю оставалось жить еще пять недель. Надо надеяться, что вести о случившемся успели до него дойти; это бы его успокоило. И все же, как ни удивительно, даже поражение у Риньяно не причинило Рожеру существенного вреда. Некоторые города Кампании потребовали уступок, которые в другой ситуации не были бы им предоставлены, но сохраняли верность королю; а через пару дней после возвращения короля в Салерно ему стало известно, что Вибальд, пробыв аббатом Монте-Кассино месяц и один день, в ужасе бежал за Альпы. Он задержался, кажется, только для того, чтобы объявить монахам, что покидает монастырь более ради них, чем ради собственного блага – в это заявление они поверили бы с большей готовностью, если бы не широко известные угрозы короля, обещавшего повесить Вибальда, если он останется. Обосновавшись в безопасном Корби, Вибальд всю оставшуюся жизнь направлял гневные инвективы в адрес Рожера; но он не приезжал больше в Италию. На его место монахи выбрали человека твердых просицилийских и анаклетанских симпатий; и с этих пор великое аббатство, сохраняя формально независимость, фактически – по своей ориентации и интересам – стало частью Сицилийского королевства.

Вернувшись в Салерно, Рожер смог оценить ситуацию. В целом все складывалось не так плохо. Его политика невмешательства, позволившая германскому натиску иссякнуть самостоятельно, полностью оправдала себя. Император пришел в ужас; когда он прибыл, казалось, все складывалось в его пользу, но через два месяца после его ухода мало что осталось от его усилий, кроме апулийской смуты – старой тоскливой напасти, с которой Рожер, его отец и дядя справлялись несчетное число раз за прошедшее столетие и с которой, без сомнения, и теперь можно было справиться. Самому королевству ничего не грозило. Потери в людях и деньгах – не считая ненужных потерь при Риньяно – были минимальными. Папа Анаклет по-прежнему оставался на престоле святого Петра. Снова мудрость миролюбивого государственного деятеля одержала победу над грубой силой.

Тем не менее престиж Рожера серьезно пострадал. Многих не самых дальновидных его сторонников возмутило его бездействие, которое они принимали за трусость, его действия у Риньяно, где он, возможно, пытался восстановить свою репутацию, только укрепили их подозрения. Кроме того, хотя непосредственная опасность миновала, ни одна из главных проблем Рожера не была решена. Сицилийскую корону признавал только Анаклет; Роберт и Райнульф, эти два заядлых мятежника, все еще оставались на свободе; и раскол в папстве – первоисточник всех бед – продолжался.

Но это последнее обстоятельство тревожило не столько Рожера, сколько его врагов – и однажды в начале ноября самый непримиримый из них лично явился в Салерно, чтобы обратиться к королю. Как и другие лица, сопровождавшие папу Иннокентия, святой Бернар Клервоский провел лето не слишком приятно. Его здоровье давно было подорвано, а семь месяцев, проведенных в бессмысленном кружении по полуострову в хвосте императорской армии, отняли у него все силы. Он и Лотарь никогда не любили друг друга. Это он, а не мягкий Иннокентий возмущался собственническим отношением императора и герцога Генриха к южной Италии, которую даже «сицилийский тиран» признавал папским фьефом; и наверняка именно он убеждал и вдохновлял своего повелителя в Ладжопезоле, Монте-Кассино и прочих местах противостоять притязаниям империи.

Когда император и папа расстались в Фарфе, Бернар надеялся вернуться в Клерво для отдыха. Вместо этого его послали обратно в Апулию в надежде, что его авторитет возобладает там, где потерпела неудачу сила империи, и что он сумеет договориться с Рожером. С неохотой, которую он не пытался скрывать, он вернулся в южную Италию и присутствовал в Риньяно, где встретил Рожера в первый раз и безуспешно старался отговорить его от битвы. После поражения, как справедливо рассчитывал Бернар, король проявил больше готовности пойти на соглашение. Рожер не хотел увековечивать схизму. Он поддержал Анаклета, чтобы получить трон, но по этой самой причине едва не лишился трона. Ситуация разительно отличалась от той, которая имела место семь лет назад. В то время казалось возможным, что Анаклет одержит полную победу; теперь стало ясно, что он может надеяться только на сохранение оскорбительного титула антипапы, проведя остаток дней фактическим пленником в Ватикане. Пока Рожер будет поощрять его упрямство, император будет поддерживать мятежников в южной Италии и установить в стране мир не удастся. Естественно, король, которому измены собственных вассалов доставляли столько хлопот, не желал предавать своего сюзерена; но наверняка существовали другие варианты, кроме предательства. Так или иначе, визит Бернара давал Рожеру долгожданную возможность прервать борьбу и поговорить. Ему требовалось время, чтобы прийти в себя, и он знал, что как дипломат превосходит всех своих противников. Он оказал аббату сердечный прием и с готовностью согласился обсудить еще раз весь вопрос о папстве.

Король предложил, чтобы каждый из соперничающих пап прислал трех представителей в Салерно, дабы защищать их притязания; и Бернар согласился. Бедный Анаклет, вероятно, испугался такого явного проявления сомнений со стороны своего единственного союзника, но не мог отказаться. Он выбрал в качестве представителей своего секретаря Петра из Пизы и двух кардиналов, Матвея и Григория. Иннокентий тоже послал своего секретаря – того самого кардинала Аймери, из-за которого и начался раскол, – вместе с кардиналами Гвидо из Кастелло и Джерардо из Болоньи; оба позже стали папами под именами, соответственно, Селестин II и Луций II. Все шестеро прибыли в Салерно в конце ноября.

Разумеется, Бернар, хотя формально даже не был членом делегации Иннокентия, говорил больше всех. Вновь, как в Этампе, он, по-видимому сознательно, обходил единственный возможный предмет обсуждения – законность выборов. На сей раз, однако, он не опускался до брани; представители Анаклета могли защитить своего господина, и Рожер мог обидеться. Вместо этого Бернар апеллировал к цифрам. У Иннокентия теперь больше сто-

ронников, чем у Анаклета; Иннокентий поэтому должен быть папой. Это был шаткий довод по всем стандартам, но пылкость речи затмевала недостаток логики.

«Облачение Христово, которое во время страстей Господних ни язычник, ни еврей не решились порвать, Петр Леони ныне разделил. Есть лишь одна вера, один Господь, одно крещение. Во время потопа был один ковчег. В нем восемь душ спаслось, остальные погибли. Церковь – тот же ковчег... Позже был построен другой ковчег, но, раз их два, один неизбежно должен быть ложным и утонет в море. Если ковчег Петра Леони исходит от Бога, тогда ковчег Иннокентия погибнет, а вместе с ним церковь Востока и Запада. Погибнут Франция и Германия, испанцы и англичане и варварские страны, все окажутся погребены под водами океана. Монахи Камальдоли, картезианцы, клюнийцы, монахи Гранмона, Сито и Премонтре и бесчисленные другие, монахи и монахини будут утянуты великим водоворотом на глубину. Голодный океан проглотит епископов, аббатов, других прелатов с жерновами на шее.

Из всех государей один Рожер вступил на ковчег Петра; если все погибнут, будет ли он один спасен? Может ли быть, что верующие всего мира погибнут, а амбиции Петра Леони, чья жизнь проходит у нас на виду, принесут ему Царствие небесное?»¹⁴

Как всегда, риторика аббата произвела впечатление. Немногим адвокатам на судебном процессе удавалось склонить на свою сторону защитника противоположной стороны; и все же, когда Бернар закончил свою речь, не король, но Петр из Пизы предстал перед ним, чтобы признать свои прежние заблуждения и попросить прощения. Дезертирство, да еще публичное, его собственного секретаря стало для Анаклета почти таким же серьезным ударом, как если бы от него отрекся сам король; и, когда аббат из Клерво простер руку к отступнику и увел его мягко, но торжественно, мало кто из присутствующих на разбирательстве сомневался в том, что дело Иннокентия все равно что выиграно.

Рожер, наоборот, не сказал ничего. Он предпочел откладывать решение чем дольше, тем лучше; кроме того, он не привык идти на уступки, не получая ничего взамен. Анаклет выступал в конце концов единственным гарантом его прав как короля; пока они не будут подтверждены Иннокентием, не могло идти речи о смене подданства. То же относилось к титулу его сына, как герцога Апулии, который следовало предварительно отнять у ставленника Иннокентия Райнульфа. Но на публичном суде не стоило вести переговоры такого рода. На девятый день король заявил, что вопрос слишком сложен, чтобы он мог решить его на месте. Ему необходимо посоветоваться с курией. Потому он предложил, чтобы по одному кардиналу с каждой стороны отправились с ним на Сицилию. В день Рождества он сообщит свое решение.

Бернар не поплыл с Рожером на Сицилию. Вместо этого он вернулся в Рим с Петром из Пизы. Возможно, он подозревал, что его попытки повлиять на короля провалились. Если бы у него оставались какие-то надежды, трудно поверить, чтобы он не продолжил начатое и не последовал бы за своей жертвой в Палермо. Определенно, никого не удивило, когда Рожер объявил, как и обещал в день Рождества, что он не видит причин менять свое прежнее мнение. Он поддерживал Анаклета, как истинного папу, и будет продолжать это делать в будущем.

Скорее всего, решение Рожера было вызвано нежеланием папы Иннокентия принять его условия, а позиция Иннокентия определялась, по-видимому, положением в Риме. Анаклет так и не пришел в себя после потери Петра из Пизы. По мере того как мучительный 1137 г. близился к концу, он, похоже, стал утрачивать господство над городом, и с ноября этого года мы обнаруживаем, что Иннокентий помечает свои письма словом «Рим» вместо прежней формулы «Римская территория». Теперь антипапа владел только собором Святого

¹⁴ Vita Prima, 1.

Петра, Ватиканом и замком Сан-Анджело, и, вероятно, ему повезло, что 25 января 1138 г. он умер¹⁵. Его жизнь, вначале столь многообещающая, оказалась печальной. В течение тех восьми лет, когда он занимал престол святого Петра, на который, как он, справедливо или нет, полагал, он имел право, Анаклет страдал – по большей части молча – от потоков брани и оскорблений, изливаемых на него его врагами под предводительством аббата из Клерво. Эти обвинения повторялись на протяжении многих веков апологетами католицизма и биографами святого Бернара; во многих современных справочных изданиях имя Анаклета или подвергается поношению, или просто пропускается. Он заслужил лучшего. Если начало его карьеры запятнано симонией, оно все же светлее, чем у большинства понтификов его времени. Если на нем отчасти лежит вина за раскол церкви, то папа Иннокентий и кардинал Аймери виноваты больше. Сложись ситуация по-другому или удовольствуйся святой Бернар делами своего аббатства и ордена, Анаклет, с его мудростью, истинным благочестием и дипломатическим опытом, мог бы оказаться превосходным папой. И в существующих обстоятельствах он переносил до невозможного оскорбительное положение с достоинством и терпением.

С его смертью схизма сама собой окончилась. Верные ему кардиналы не отказались сразу от борьбы; в марте, возможно с одобрения Рожера, они выбрали преемником Анаклета кардинала Григория под именем Виктор IV¹⁶. Но душа Григория к этому не лежала. Он не пользовался такой популярностью, как его предшественник, и немногие римляне, которые вначале его поддерживали, были вскоре перекуплены Иннокентием. Через несколько недель Григорию стало невмогуту. Майской ночью он тайком покинул Ватикан, переправился через Тибр, добрался до жилища святого Бернара и сдался; 29 мая, на восьмой день Пятидесятницы, Бернар мог доложить приору Клерво:

«Бог даровал единство Церкви и мир Городу... Люди Петра Леони пали в ноги нашему властелину папе и принесли ему клятву верности как его данники. То же сделали священники-схизматики вместе с идолом, которого они воздвигли... и в народе большая радость».

Смерть Анаклета и падение его игрушечного преемника не слишком взволновали Рожера. Упорная поддержка, которую он оказывал антипапе, не принесла ему тех выгод, на который он рассчитывал, но конец схизмы решил проблему. Освобожденный теперь от обязательств, которые так омрачали первые семь лет его царствования, он не видел смысла продолжать вражду со Святым престолом. Рожер публично признал Иннокентия законным папой и повелел всем своим подданным сделать то же. Затем он с армией отправился в Апулию.

Военная кампания продолжалась все лето и осень. Это, наверное, было тяжелое время для Рожера. Он вновь прошел по полуострову, грабя и сжигая при малейших признаках противодействия, и все же не мог добиться реальной покорности. Когда он вернулся в Палермо в конце года, большая часть Апулии все еще оставалась в руках мятежников. Из Рима не было никаких вестей – ничто не говорило о том, что Иннокентий готов к примирению; а следующей весной, когда Рожер собирал войска для продолжения борьбы, папа со всей ясностью дал понять, насколько он далек от подобной мысли. На латеранском соборе 8 апреля 1139 г. он объявил новое отлучение короля Сицилии его сыновьям и всем епископам, рукоположенным Анаклетом.

¹⁵ Место захоронения, возможно, было сознательно засекречено его сторонниками, или его немедленно осквернили приверженцы Иннокентия, мы не знаем. Факт то, что могила Анаклета не найдена.

¹⁶ У нас есть только утверждение Фалько, что с королем советовались по поводу этого избрания и он одобрил его. Как ни расценивай избрание Анаклета, избрание Виктора, осуществленное горсткой кардиналов-схизматиков, нельзя считать законным. И Рожер только выигрывал от окончания раскола в церкви.

Но конец девятилетних мучений Рожера быстро приближался; в действительности он был ближе, чем кто-либо из участников противоборства предполагал. После бесплодной кампании 1138 г. всем казалось, что Райнульф продержится в Апулии неопределенно долгий срок, и, судя по агрессивности латеранского собора, эту уверенность разделяли в Риме. Но она оказалась безосновательной. Через три недели после собора Райнульф слег от лихорадки в Трое; ему неудачно пустили кровь, и 30 апреля он умер. Его похоронили в троянском соборе.

Фалько из Беневенто оставил нам исполненный трагизма рассказ о смятении, охватившем мятежную Апулию при известии о смерти Райнульфа, о причитающих вдовах и девицах, стариках и детях, о мужчинах, рвущих на себе волосы, раздирающих грудь и щеки. Все это кажется преувеличением, и все же трудно избавиться от мысли, что Райнульфа искренне любили. При всем его вероломстве, в нем было нечто от Дон Кихота, и перед его обаянием не могли устоять ни его друзья, ни враги; за время своего краткого правления в качестве герцога он проявил себя хорошим и мудрым властителем. Он был талантливый и храбрый воин – намного храбрее Рожера, которого он дважды разбил на поле боя. Нормандец до мозга костей, он в представлении своих соплеменников воплощал рыцарский идеал, в чем его изворотливый шурин, с его восточными замашками, не мог с ним соперничать. Его слабость заключалась в отсутствии государственного мышления; он просто не понимал, что Рожера нельзя разбить без долгосрочной политической и военной помощи из-за границы. Из-за своей политической слепоты он, вопреки торжественно данной клятве и после того как король проявил к нему такое редкое милосердие, – затеял авантюру, которая принесла южной Италии несчастье и страдания и сделала ее объектом для жестокости Рожера, никогда не прибегавшего к подобным мерам иначе как с отчаяния. Короче, вред, который Райнульф принес своей стране, неисчислим, и о его смерти горевали больше, чем он заслуживал.

Со смертью Райнульфа мятеж фактически окончился. Кроме нескольких очагов сопротивления, с которыми Рожер мог разобраться на досуге, – в частности, Бари и земли вокруг Трои и Ариано – оставалась одна проблема. В конце июня папа Иннокентий направился на юг со своим старым союзником Робертом Капуанским. Но Иннокентий не представлял теперь реальной угрозы. Папская армия по всем подсчетам была не особенно велика – тысяча рыцарей, самое большее – и на этот раз имелась надежда, что папа пойдет на переговоры. Действительно, вслед за первыми вестями о приближении папы в сицилийский лагерь прибыли два кардинала. Его святейшество, сообщили они, теперь достиг Сан-Джермано¹⁷, и, если Рожер встретится с ним там, он будет принят с миром.

Взяв с собой сына и армию, король отправился через горы к Сан-Джермано. Переговоры продолжались неделю. Иннокентий был готов признать сицилийскую корону, но требовал взамен восстановления в правах Роберта Капуанского. Рожер отказался. Множество раз за последние семь лет он предлагал Роберту заключить мир; теперь его терпение истощилось. Увидев, что папа тоже упорствует, Рожер не стал терять время на переговоры. Заявив, что у него есть дела в долине Сангро, он свернул лагерь и двинулся на север.

Как Рожер и предвидел, Иннокентий и Роберт возобновили боевые действия, направляясь к Капуе и оставляя за собой след – сожженные деревни и виноградники. Затем в маленькой городке Галуччо они неожиданно остановились. С холмов, располагавшихся слева от них, за ними наблюдала сицилийская армия. Иннокентий понял опасность и приказал немедленно отступать; но он опоздал. Пока папское войско перестраивалось, юный герцог Рожер вырвался из засады с тысячей рыцарей и врезался в его центр. Ряды смешались. Многие воины были убиты во время бегства, и множество других утонуло при попытке пересечь

¹⁷ Современный город Кассино, расположенный на равнине под монастырем.

Гарильяно. Роберту Капуанскому удалось бежать, но папе Иннокентию не повезло. Он искал убежища, как гласит легенда, в небольшой, украшенной фресками часовне Святого Николая, останки которой мы до сих пор можем видеть в церкви Аннунциаты в Галуччо; но напрасно. Тем же вечером, 22 июля 1139 г., папа, его кардиналы, его архивы и его сокровища – все оказалось в руках короля.

Двумя месяцами раньше, когда папа Иннокентий еще собирал армию в Риме, Везувий после почти столетнего сна разразился великолепным и устрашающим извержением. В течение недели он бушевал, изрыгая лаву на соседние деревни и выбрасывая в воздух всепроникающую рыжеватую пыль, которая затмила небо над Беневенто, Салерно и Капуей. Никто не сомневался, что это – знамение, и теперь люди узнали наконец, что оно предвещало. Сам святой отец оказался в плену. Подобного унижения папы не испытывали от нормандцев с тех самых пор, когда герцог Хэмфри де Отвиль и его брат Роберт Гвискар разбили армию папы Льва IX при Чивитате восемьдесят шесть лет назад.

Любые попытки пап сойтись с нормандцами на поле битвы заканчивались для них плохо. Так же как Лев вынужден был после Чивитате пойти на соглашение с теми, кто его захватил, теперь Иннокентий смирился перед неизбежным. Сперва он отказывался; уважительное отношение Рожера, по-видимому, внушило ему уверенность, что он сможет выдвигать собственные условия. Только через три дня он окончательно осознал свое реальное положение – и размер выкупа. 25 июля в Миньяно Рожер был официально признан королем Сицилии с верховной властью над всей Италией к югу от Карильяно. Затем его сын Рожер был утвержден в правах на герцогство Апулия; а третий сын Альфонсо получил титул и права князя Капуи. Затем папа отслужил мессу, в ходе которой прочитал необыкновенно длинную проповедь о мире, и покинул церковь свободным человеком. В выпущенной позднее грамоте он сумел сохранить остатки своего достоинства, представив всю процедуру как обновление и расширение прежней инвеституры, данной Рожеру Гонорием II; король также обязался выплачивать ежегодную подать в размере шестисот шифати¹⁸. Но ничто не могло замаскировать тот факт, что для папы и его партии договор в Миньяно означал безоговорочную капитуляцию.

Писавший через полвека после этих событий английский историк Ральф Найджер упоминает в своей «Всемирной хронике», что Иннокентий скрепил договор, одарив Рожера своей митрой; и что король, украсив ее золотом и драгоценными камнями, сделал из нее корону для себя и своих наследников. Так или иначе, между папой и королем, казалось, установились вполне дружеские отношения. Вместе они отправились в Беневенто, где, как сообщает Фалько, папу приняли с таким ликованием, словно сам святой Петр вошел в город; а через пару дней король, расположившийся со своим войском за городскими стенами, принял послов из Неаполя, поклявшихся ему в верности и вручивших ему ключи от своего города.

Это подчинение ознаменовало конец целой эпохи. Более четырех веков герцоги неаполитанские прокладывали свой курс среди опасных проливов и мелей южноитальянской политики. Много раз они рисковали пойти ко дну; иногда пизанцы или другие временные союзники брали их на буксир. Хотя формально они шли под византийскими цветами, им случалось в недавние годы поднимать на мачту другие флаги – например, Западной империи или тех же нормандцев. И все же их корабль как-то умудрялся держаться на плаву. Но далее это было невозможно. Неаполь претерпел за девять лет три осады и опустошительный голод в придачу. Последний герцог умер, квазиреспубликанское правительство, которое наследо-

¹⁸ Ш и ф а т и – выпуклая византийская монета, достоинством по тарифу 1269 г. восемь тарисов золота, то есть чуть более четверти унции сицилийского золота; то есть шифати имел примерно ту же стоимость, что английский соверен (Манн. Жизнь пап в раннее Средневековье. Т. IX. С. 65).

вало ему, потерпело неудачу. Величие и слава ушли. Когда через несколько дней юный герцог Рожер вошел в город, чтобы официально принять его во владение от имени отца, он принял его не как отдельный фьеф, но как часть Сицилийского королевства. Корабль в конце концов потонул.

Оставались два очага сопротивления, которые следовало погасить: окрестности Трои, где все еще сеял смуту арьергард немецкой армии, оставленной Лотарем, и Бари, где обосновались последние мятежные бароны. В первую неделю августа король появился над Троей. Город сдался сразу; после капитуляции папы не имело смысла продолжать борьбу, и горожане, ободренные слухами о милосердии, которое Рожер проявил по отношению к жителям прибрежных городов Апулии, пригласили его войти с миром. Но теперь король впервые обнаружил, насколько глубоко он переживал предательство своего зятя. Он отправил послов назад, заявив, что не примет сдачу Трои, пока тело Райнульфа погребено в ее стенах. Его слова ужаснули горожан, но дух Трои был сломлен. У людей не было другого выхода, кроме как подчиниться. Четирем рыцарям, руководимым одним из старых соратников Райнульфа, поручили вскрыть его могилу. Тело выкопали, затем его по приказу короля пронесли в саване по улицам к цитадели и в итоге бросили в зловонную канаву за воротами. Вскоре Рожер, кажется, раскаялся в этом бесчеловечном поступке и по настоянию сына разрешил перезахоронить, как подобает, своего старого врага; но, хотя он не предпринял более никаких действий против Трои, он отказался туда войти. В оставшиеся пятнадцать лет жизни он там не бывал.

Все еще горя жаждой мести, король грозно проследовал через Трани – которому его сын предоставил великодушные условия сдачи за несколько месяцев до того – к Бари. Ни один город в Апулии не обманывал его так часто, а его упорное нежелание подчиниться, невзирая на капитуляцию всех его соседей, проявленное по отношению к нему милосердие, привело к тому, что Рожер потерял терпение. После двух месяцев осады под угрозой голода защитники запросили мира. Рожер, стремившийся любым способом покончить с мятежом и вернуться на Сицилию, принял их условия: город не отдадут на разграбление, а пленники с обеих сторон будут отпущены невредимыми. Но когда он оказался в стенах города, желание мстить вновь вспыхнуло в нем с неодолимой силой. Один из его рыцарей, только что выпущенный из плена, сообщил, что ему в тюрьме выбили глаз. Это был предлог, который Рожер искал. Не являлось ли это нарушением заключенного соглашения? Судьи, призванные из Трои и Трани, вместе с судьями из Бари объявили договор недействительным. Мятежного князя Джаквинта вместе с его главными советниками доставили к королю. Все были повешены. Еще десятерых важных горожан ослепили, других бросили в темницу, отняв у них всю их собственность. «И такой ужас воцарился в городе, – пишет Фалько, – что ни один мужчина и ни одна женщина не дерзали выйти на улицу или на площадь».

Даже по возвращении в Салерно гнев короля не утих. Некоторые из кампанских васалов, которые уже поздравляли себя с тем, что легко отделались, неожиданно обнаружили, что их земли и имущество конфискованы. Некоторые оказались в темнице, а большинство отправились в изгнание «за горы». Когда 5 ноября Рожер отплыл на Сицилию, его провожали запуганные и покорные бароны.

1139 г. был самым победоносным годом царствования Рожера. В этом году умер его главный враг Райнульф, прекратили свое существование мелкие династии Неаполя и Бари; был сокрушен Роберт Капуанский, который, хотя и провел остаток жизни интригуя против короля, никогда более не представлял серьезной опасности для Сицилийского королевства. В тот же год Рожер одержал самую знаменательную за целое столетие победу на материке, смыв позор Риньяно. В королевстве южной Италии воцарился мир, бароны и города полностью подчинились королевской воле, и последние германские имперские захватчики

погибли или покинули эти земли. Наконец состоялось примирение между королевством и папством, и законный, неоспоримый папа признал сицилийскую монархию. Сам Рожер проявил мужество, дипломатичность, государственную мудрость и – если не считать самого конца – милосердие; хотя в проявлении этой последней добродетели Рожер отошел от прежних высоких идеалов, он по-прежнему превосходил большинство своих современников.

«Так, – заключает архиепископ Ромуальд из Салерно, – Рожер, могущественнейший из королей, раздавил и сокрушил врагов и предателей, вернулся со славой и победой на Сицилию и правил королевством в мире и спокойствии». Это звучит как конец сказки, и Рожер, отплывая домой, определенно имел все основания радоваться. Но он не был счастлив. Судя по его поведению в Трое и Бари, у него было скверно на душе. Последние несколько лет оставили в его сердце осадок горечи и разочарования, от которых он так и не смог полностью избавиться. Его великодушием слишком часто злоупотребляли, его доверие слишком часто обманывали, великие планы, которые он строил, думая о своем королевстве, слишком часто рушились из-за эгоизма и честолюбия нормандских баронов. На Сицилии, где не было больших фьефов, представители трех религий и четырех народов счастливо жили в мире и благополучии; в южной Италии он не достиг ничего – его вассалы ему постоянно мешали. Рожер возненавидел полуостров. В будущем он передал тамошние дела, насколько это было возможно, сыновьям и посвятил все внимание своему островному королевству.

Когда в январе 1072 г. Роберт Гвискар и его брат пробили себе путь в сарацинский Палермо, одним из первых их решений было переместить административный центр столицы. Эмиры правили городом из собственного дворца в квартале Аль-Халес, у моря; но они также сохраняли за собой старый замок, расположенный на возвышенности в полутора милях к западу, который был построен примерно два века назад, для охраны Палермо с суши. В замке было прохладнее, спокойнее, он находился в отдалении от всей грязи и суеты города; а кроме того, господствовал над окружающей местностью, так что его легче было оборонять. Новым хозяевам это последнее обстоятельство представлялось жизненно важным; ни один нормандец никогда не ощущал себя по-настоящему спокойно в тех местах, где он не мог бы при необходимости держать оборону. Итак, старая сарацинская крепость, отремонтированная и укрепленная, стала резиденцией нормандских властей и, соответственно, дворцом великого графа Сицилии.

С течением времени Рожер I и его сын существенно ее перестраивали, так что в итоге от первоначальной сарацинской постройки осталось очень мало. К 1140 г. здание, по сути, представляло собой нормандский замок; и, хотя многое неизбежно было добавлено к нему за минувшие восемь веков – колоннада, лоджии и барочные фасады, не говоря о массивных атрибутах сицилийского парламента, – множество деталей выдают его нормандское происхождение. Башня Торре-Пизано, в частности, в северном конце, называемая также башней Святой Нинфы в честь палермской девушки, чье неумеренное восхищение христианами мучениками заставило ее последовать их примеру, все еще сохранила тот облик, в каком ее мог видеть Рожер. Даже покрытый медью купол местной обсерватории, выступающий довольно неуместно над ее крышей, не настолько портит впечатление, как можно было ожидать. Романские башни, увенчанные исламским луковичным куполом, вообще характерны для нормандско-сицилийской архитектуры, и палермские астрономы, сознавали они это или нет, просто продолжали давнюю традицию. Приятно думать о том, что именно на этой обсерватории в первый вечер XIX в. был увиден первый и самый большой из астероидов, который назвали Церерой в честь богини, покровительствующей острову.

Все же королевский дворец, как его до сих пор именуют, не поражает ни взора, ни воображения. В целом эта архитектурная мешанина лишена собственной яркой индивидуальности; даже Пизанская башня кажется помпезной и бездушной, так что не стоит упре-

кать случайных посетителей, когда они, пожав плечами, направляются к более фотогеничным достопримечательностям, таким, как аббатство Святого Иоанна в Эремити дальше по дороге. Или это простительно, но жаль, что, поступив таким образом, они лишают себя одного из самых сильных эстетических переживаний, даруемых Сицилией, – первого неожиданного знакомства с Палатинской капеллой.

Еще в 1129 г., до того, как стать королем, Рожер начал строить собственную личную часовню на первом этаже своего дворца, выходящую во внутренний двор. Работа двигалась медленно, главным образом потому, что проблемы на континенте оставляли Рожеру только несколько месяцев в году для наблюдения за строительством. Но наконец к весне 1140 г., хотя еще неоконченная, она могла принять священников и верующих; и в Вербное воскресенье 28 апреля в присутствии короля и всех высших представителей сицилийского духовенства греческого и латинского исповеданий часовня была освящена, посвящена святому Петру и формально получила привилегии, соответствующие ее статусу дворцовой церкви.

Рожер любил Византию не больше, чем любой из членов его семьи; но обстановка, в которой он рос и воспитывался, а также сильное восточное влияние, ощущавшееся во всей сицилийской жизни, способствовали тому, что он понимал и принимал византийский идеал монархии – мистически окрашенный абсолютизм, при котором монарх, как наместник Бога на земле, живет в отдалении от своих подданных, ибо стоит выше их в своем величии, отражающем его промежуточное положение между землей и небесами. Искусство нормандской Сицилии, пережившее в ту пору внезапный расцвет, было прежде всего придворным искусством, и очень уместно, что его величайшим достижением – истинной жемчужиной среди творений, порожденных религиозной грезой человеческого ума¹⁹, как назвал ее Мопассан спустя семь с половиной столетий, – стала именно Палатинская капелла в Палермо. В этом строении ярче, чем в любой другой из сицилийских реалий, нашло свое зримое выражение сицилийско-нормандское политическое чудо – соединение без видимых усилий самых блестящих достижений латинской, византийской и исламской традиций в одно гармоничное целое.

По форме она представляет собой западную базилику с центральным нефом и двумя боковыми приделами, отделенными от него рядами классических гранитных колонн с богато позолоченными коринфскими капителями. Взгляд скользит вдоль них к пяти ступеням, ведущим на хоры. Также западными по стилю, хотя напоминающими о юге, являются богато украшенные мозаичные полы и сверкающие инкрустации на ступенях, балюстрадах и внизу стен, не говоря уж об огромном амвоне, кафедре, украшенной золотом, малахитом и порфиром и находящейся сбоку пасхального канделябра, пятнадцати футов высотой из белого мрамора²⁰.

Но, посмотрев на мозаику, от которой вся часовня горит золотом, мы оказываемся лицом к лицу с Византией. К сожалению, некоторые из этих мозаик, особенно в верхней части северной стены трансепта, исчезли; другие были грубо – а в нескольких случаях плохо отреставрированы в течение последующих веков. В нескольких местах, в частности в нижней половине центральной апсиды и двух боковых апсидах, мы сталкиваемся с уродствами XVIII в., которые более просвещенная администрация давно бы уничтожила. Но лучшие мозаики – Христос Вседержитель, глядящий с благословением со свода, круг ангелов, обрамляющих его своими крыльями, усердствующие евангелисты – все это восхититель-

¹⁹ «Скитальческая жизнь».

²⁰ Этот канделябр почти наверняка подарен часовне архиепископом Гуго Палермским, когда он короновал сына Рожера Вильгельма как соправителя отца на Пасху в 1151 г. На нем среди изображений ангелов, поддерживающих распятие, вырезана, прямо на уровне глаз, одинокая человеческая фигура, появляющаяся неожиданно из пальмовых ветвей. Эта фигура в митре, подозрительно напоминающая мистера Панча, долго считалась портретом самого Рожера; но, поскольку на ней надет также папский паллий, который король не носил, она, скорее всего, изображает дарителя.

нейшая, чистейшая Византия; такими шедеврами гордилась бы любая церковь в Константинополе. На хорах почти на всех мозаиках имеются греческие надписи, сообщающие имя мастера и дату. Пресвятая Дева в северном трансепте²¹, сцены из Ветхого Завета в нефе и сцены из жизни святых Петра и Павла в боковых приделах добавлены Вильгельмом I примерно через двадцать лет после смерти отца. В этих и других изображениях латинские надписи, предпочтение латинских святых и явные попытки нарушить жесткие каноны византийской иконографии свидетельствуют о том, что Вильгельм приглашал местных умельцев – предположительно итальянских учеников греческих мастеров. Другие итальянские художники в XIII в. создали образ Христа на троне на западной стене над королевским помостом²² и изображения святого Григория и святого Сильвестра в арке алтаря, беспардонно заменившие более раннее изображение самого Рожера.

Эти почти антифонные переключки латинского и византийского, оправленные в столь роскошную раму, сами по себе могли бы обеспечить дворцовой часовне достойное место среди самых удивительных храмов мира. Но Рожеру этого оказалось недостаточно. Две великие культурные традиции его страны были блистательно отражены в его новом творении, но как же третья? Как же сарацины, составлявшие большинство среди его островных подданных, честно хранившие ему верность – в отличие от его соплеменников нормандцев – в течение полувека, чья административная деятельность в значительной степени способствовала процветанию королевства и чьи художники и ремесленники были известны на трех континентах? Не должен ли их гений тоже быть представлен? В результате часовня получила украшение, которое поистине увенчало ее славу и совершенно неожиданное для христианской церкви – сталактитовый деревянный свод в классическом исламском стиле, ничуть не уступающий тем, что можно видеть в Каире и Дамаске, затейливо украшенный самым ранним дошедшим до нас образчиком арабской живописи.

И притом не только орнаментальной. К середине XII в. некоторые школы в арабском искусстве отошли – главным образом благодаря персам, которые никогда не разделяли их педантизма, – от древнего запрета на изображение человеческих фигур, а общая атмосфера терпимости, характерная для Палермо, подтолкнула мастеров к дальнейшим поискам.

Стоя внизу, трудно разобрать детали, но, глядя в карманный бинокль, обнаруживаешь среди сплетения звериных и растительных орнаментов и куфических надписей во славу короля бесчисленные очаровательные сценки из восточной жизни и мифологии. Некоторые люди едут на верблюдах, другие убивают львов, а третьи наслаждаются пиршествами в своих гаремах; еды и напитков везде в изобилии. Множество драконов и чудовищ; один человек – может быть, Синдбад? – сидит на спине огромной четырехлапой птицы, прямо как у Иеронима Босха.

И все же самое сильное впечатление на посетителя производит скорее целое, нежели отдельные детали, поэтому Палатинскую капеллу следует оценивать не как собрание разных элементов, но как нечто единое. Это творение несет в себе след глубокого и искреннего благочестия. Ни один другой храм не сияет таким великолепием, и ни один не отвечает настолько полно своему предназначению. Это часовня, построенная королем для королей, чтобы в ней молиться. Однако в первую очередь она является домом Божиим. Королевский помост поднят до уровня хоров, но не алтаря. Ограниченный мраморными балюстрадами, с

²¹ Если смотреть снизу, фигура Девы оказывается смещена относительно центра – из-за чего изображение Иоанна Крестителя сверху слева кажется неуклюжей попыткой придать композиции законченность. Но если смотреть из большого окна в северной стене, она оказывается точно в центре видимого пространства стены. Из этого можно заключить, что окно, которое сообщается со внутренним пространством дворца, использовалось начиная примерно с 1160 г. как королевская ложа. (Об этом и многих других восхитительных исследованиях сицилийских мозаик см.: *Демус. Мозаики нормандской Сицилии*. Лондон, 1950.)

²² Согласно надписи на стене северного придела, он был отреставрирован в XIV в.

инкрустациями александрийского стиля на заднем плане, завершающимися огромным восьмиугольником из порфира, который создает нимб вокруг головы сидящего на троне монарха, он находится в западном конце, внушительный и величавый. Но прямо над помостом имеется другой трон; он обрамлен не мрамором, а золотом; и на нем восседает воскресший Христос. Весь блеск, все многоцветье красок, вся игра зелени и алого, все переливы сияющей мозаики на стенах создают не ощущение пышности, но ощущение высокой тайны, говорят не о королевской гордости, но о смирении человека перед Творцом. Мопассан хорошо выбрал метафору: войти в Палатинскую капеллу – все равно что войти в жемчужину. И ему, может быть, следовало бы добавить, что это жемчужина из небесной короны.

Часть вторая ПОЛДНЕВНОЕ КОРОЛЕВСТВО

Глава 5 РОЖЕР – КОРОЛЬ

Но когда земли приобретены в областях, где имеются различия в языке, обычаях и законах, необходимо везение и много тяжелой работы, чтобы их удержать.

Н. Макиавелли. Государь. Кн. III

Не только историку, оценивающему прошлое с высоты своего знания и опыта, 1140 г. представляется важным рубежом в царствовании Рожера. Сам король, по-видимому, ясно сознавал, что после десяти лет острейшей борьбы – лет, за которые он изведal множество разочарований, предательств и поражений, – его первая великая задача выполнена. Наконец его королевство принадлежало ему. Самые упорные вассалы, не признававшие его власти, умерли, потеряли свои земли или отправились в изгнание. Мелкие стычки продолжались еще несколько лет, особенно в Абруццо и Кампании, где еще предстояло установить четкие границы с папским государством на севере. Но этим предстояло заняться сыновьям Рожера – Рожеру Апулийскому и Альфонсо Капуанскому; они были уже достаточно взрослыми, чтобы присмотреть за собственными владениями. И при всех обстоятельствах безопасности всего королевства более ничто не угрожало.

Теперь появилась возможность воплотить в жизнь вторую часть грандиозного плана Рожера. Страна была объединена и умиротворена; теперь следовало дать ей законы. Одиннадцать лет назад в Мельфи Рожер связал баронов и церковных иерархов южной Италии клятвой верности, наметив в самых общих чертах контуры той политической и судебной системы, в соответствии с которой он собирался править. Но теперь 1129 г. казался далеким прошлым. Слишком многое с тех пор произошло – слишком много клятв нарушено, слишком много предательств совершено. Лучше было начать с начала.

В первые шесть месяцев 1140 г. Рожер готовил новое законодательство в Палермо. Поскольку оно должно было использоваться во всех частях королевства, Рожер с удовольствием провозгласил бы его в своей столице, но он этого не делал. Самые могущественные и независимые его вассалы жили на континенте. Именно их свободу ограничивала его королевская власть и кодекс законов, с помощью которых он собирался проводить ее в жизнь. В июле Рожер отправился на корабле в Салерно и в конце месяца, после краткого осмотра новых приобретений своего сына в Абруццо, направился через горы в Ариано²³, где его ждали все главные его вассалы.

Две сохранившиеся копии арианских ассиз нашлись всего сто лет назад – одна в архивах Монте-Кассино, а другая в Ватикане, – и лишь тогда стало понятно их значение²⁴. Более разноплановые и действенные, чем клятва, произносившаяся в Мельфи, эти установления составляют корпус законов, который, хотя многое в нем взято непосредственно из кодекса

²³ Ныне Ариано-Ирпино.

²⁴ Оба текста приводятся у Брандилеоне «Римское право и нормандские законы Сицилийского королевства». Ватиканский текст, вероятно, идентичен тому, который Рожер обнародовал в Ариано. Текст из Монте-Касси – но, похоже, сокращен, хотя он содержит несколько позднейших добавлений.

Юстиниана, остается уникальным для раннего Средневековья в том плане, что охватывает все аспекты деятельности Рожера как правителя. Две особенности поражают с самого начала. Прежде всего, как приличествует властителю многонациональной страны, король указывает, что существующие законы всех подчиненных ему народов сохраняют силу. Все греки, арабы, иудеи, нормандцы, лангобарды, находящиеся под его властью, будут жить, как жили всегда, по обычаям своих отцов, если только эти обычаи не входят в прямое противоречие с королевскими указами.

Вторая идея, которая проходит как лейтмотив через весь кодекс, – абсолютный характер монархии, происходящий, в свою очередь, из божественной природы королевской власти. Закон – выражение божественной воли, и король – единственный, кто может его создавать или отменять и один имеет право на окончательное его толкование, – является потому не только судьей, но и священнослужителем. Оспаривать его решения или решения, принятые от его имени, является одновременно грехом – святотатством и преступлением – государственной изменой. А измена карается смертью. Само понятие измены толковалось пугающе широко. Под эту категорию попадали, например, не только преступления и заговоры против короля, но и заговоры против любого члена его курии²⁵: она включала также трусость в бою, вооружение толпы, отказ от поддержки армии короля или его союзников. Ни один народ, ни один свод законов в средневековой Европе не расширял понятие измены до таких пределов. Но также ни одно другое европейское государство, за одним исключением, не поднимало на такую высоту идею королевской власти. Этим исключением была Византия.

В Византии следует искать истоки политической философии Рожера. Феодальная система, которая являлась основной формой государственной организации в его континентальных владениях, принадлежала Западной Европе; гражданские службы в Палермо и сицилийских провинциях, которые Рожер унаследовал от отца, базировались в значительной степени на арабских институтах; но сама монархия, как она была им задумана и лично создана, полностью соответствовала византийским образцам. Король Сицилии не был, подобно своим меньшим собратьям на севере и западе, просто вершиной феодальной пирамиды. До коронации, подобно императорам Древнего Рима и их преемникам в Константинополе, он должен был добиться одобрения и признания у своего народа; но во время самой церемонии он обретал мистическую благодатную сущность, которая ставила его вне и выше человеческого сообщества. Эту отстраненность Рожер преднамеренно культивировал в течение всей жизни. Его биограф Александр из Телезе пишет, что, невзирая на быстроту и блеск его речей, «он никогда не позволял себе публично или в приватной обстановке быть слишком любезным, или веселым, или откровенным, чтобы люди не перестали его бояться». И когда мы узнаем, что спустя несколько лет во время переговоров с Константинополем он потребовал, чтобы его признали равным императору Византии, равноапостольному, наместнику Бога на земле, это едва ли может удивлять²⁶.

Эта идея, хотя она несомненно и постоянно проводилась в законодательстве, дипломатии и иконографии Сицилийского королевства, никогда не высказывалась на словах, по-видимому, из-за некоей практической трудности, которую она порождала. Куда в таком случае поставить папу? На этот вопрос не было найдено удовлетворительного ответа – чем и объясняется любопытная двойственность в отношении Рожера к Святому престолу. Как папский вассал, он был готов исполнять свои обязанности по отношению к папе как закон-

²⁵ Королевская курия начиная с правления Рожера II являлась главным органом центрального правления. Ее полномочия были значительно шире, чем у современного кабинета министров, поскольку она исполняла отчасти роль органа правосудия, по крайней мере в гражданских делах.

²⁶ Тот факт, что Рожер именовал себя королем, а не императором, не ослабляет его притязаний. Титул «король» был принятым переводом греческого «василевс»; это слово, между прочим, использовано для именованя императора Нерона на мозаике в дворцовой часовне.

ному сюзерену; как христианин, он был готов выказать ему все подобающее уважение, но как король Сицилии он не потерпел бы никакого вмешательства в дела церкви в пределах его королевства. Его притязания подкреплялись наследственным правом на полномочия папского легата, которое его отец вытребовал у Урбана II за сорок два года до этого; но, как мы увидим, он проявил в церковных делах упрямство и своеволие, далеко выходявшие за рамки того, что папа Урбан или его преемники могли стерпеть.

Те из Арианских ассиз, которые относились к делам подобного рода, намеренно подчеркивали роль короля как покровителя христианской церкви и защитника индивидуальных прав и привилегий ее представителей. Еретики и отступники (от христианской веры) наказывались лишением гражданских прав, и суровые наказания назначались за симонию. В то же время епископы освобождались от гражданского суда, и младшие клирики получили сходные привилегии соответственно своему рангу. Все эти меры вполне могли найти одобрение в Риме; но – и этот пункт несомненно вызывал разные реакции – любое решение и норма могли быть отменены королем, суждение или указ которого становился последним словом. И что касается Рожера – папа мог думать как угодно – по его мнению, эта власть держалась не на дарованных некогда легатских полномочиях; вместе с высшими знаками отличия – митрой и далматиком, посохом и пастырским кольцом, которые король надевал на время важных церемоний, – она давалась самим Богом.

Подобным же образом прямой контроль осуществлялся над вассалами. После десяти лет измен и восстаний они наконец успокоились, но подобное положение вряд ли могло сохраняться в течение неопределенно долгого времени. Законодательная политика Рожера по отношению к ним, и в Ариано и позже, представляет собой любопытную попытку приспособить чисто западный институт к преимущественно византийской политической системе. Для этого прежде всего требовалось установить максимальную дистанцию между королем и вассалами – задача, существенно осложнявшаяся тем, что многие из баронских нормандских родов Апулии обосновались в Италии тогда же или даже раньше, чем Отвили, и не видели причины, почему внук безвестного и небогатого рыцаря из Котентина присваивает право властвовать над ними и еще расширяет свои права до пределов, не доступных никому из западных монархов.

Имелась еще одна проблема, которая так и не была до конца решена, хотя Рожер в последующие годы делал все возможное, чтобы уменьшить ее разрушительные последствия, перераспределяя большинство существующих фьефов. С этого времени его вассалы владели своими землями не на том основании, что их предки захватили или получили их во время завоевания Италии в предыдущем столетии, но дарственной короля и с момента выпуска новой королевской грамоты. Одновременно численность и, соответственно, могущество рыцарского сословия еще более ограничили посредством превращения его в некое подобие закрытой касты. Например, согласно ассизе XIX, никто не может стать рыцарем или сохранить достоинство рыцаря, если он не происходит из семьи рыцаря. Другие распоряжения обязывали феодалов и других властителей – включая церковников, – которые имели власть над горожанами или селянами, обращаться с ними по-человечески и никогда не требовать от них ничего, что выходит за рамки разумного и справедливого.

До того как покинуть Ариано, король объявил о еще одном новшестве – введении единой монеты для всего королевства. Его монеты назывались дукатами и стали прообразами тех золотых и серебряных монет, которые в следующие семь веков служили основным мерилом богатства в большей части мира. Первые образцы, отчеканенные в Бриндизи, кажется, были неважного качества – они содержали «более меди, чем серебра», как ехидно отмечает Фалько²⁷; но они служат прекрасной иллюстрацией тех представлений о королевской власти,

²⁷ Первые золотые дукаты появились не ранее 1284 г. – в Венеции, где серебряные имели хождение с 1202 г.

которых придерживался Рожер. На одной стороне этих монет – типично византийских по форме – изображен король на троне, в короне и при всех византийских императорских регалиях, с державой в одной руке и длинным крестом с двумя перекрестьями в другой. Сзади него, положив руку на крест, стоит его сын, герцог Рожер Апулийский в воинском облачении. Реверс монеты еще более показателен. На реверсе старых апулийских монет, отчеканенных в правление герцога Вильгельма, неизменно изображался святой Петр, чтобы подчеркнуть вассальную зависимость Вильгельма от Святого престола. Теперь эти дни миновали. На реверсе новых монет был помещен не святой Петр, но Христос Вседержитель – в знак того, что король Рожер не нуждается в посредниках²⁸.

Весной 1140 г. король Рожер послал своему другу папе подарок – несколько балок для крыши церкви Святого Иоанна в Латеране, которая, как и многое другое в Риме XII в., категорически нуждалась в ремонте. Если Иннокентий воспринял этот жест как знак того, что Отвили более не доставят ему хлопот, он ошибся; в ближайшие месяцы два сына короля по ходу того, что они именovali «восстановлением» прежних апулийских и капуанских границ, дошли до Чепрано в Кампании и Тронто в северном Абруццо и совершали частые разрушительные набеги на папские земли. Но два брата просто разминали мускулы, занимаясь тем, чем всегда занимались и должны были заниматься полные сил молодые нормандские рыцари. Им, наверное, нравилось злить папу, но по-настоящему они не проявляли к нему никакой враждебности. Их отец, хотя предоставил сыновьям относительную свободу, искренне стремился наладить отношения с церковью и стереть, насколько возможно, неприятные воспоминания последнего десятилетия.

Хотя Иннокентия, все еще переживавшего свое поражение в Галуччо, не так легко было задобрить, его главный союзник проявил удивительную способность к хамелеонству. Уже на разбирательстве в Салерно святой Бернар, кажется, счел, что Рожер не такой людоед, каким он его всегда изображал, и решил пересмотреть свои позиции. Кажется удивительным, что человек, чьи гневные обличения «сицилийского тирана» гремели во всех уголках Европы, в 1139 г. начинает письмо к своему давнему врагу словами:

«По всей земле распространяется молва о Вашем величии; в каких только краях не прославилось Ваше имя?»²⁹

Король, хотя втайне его наверняка развлекала неожиданность перемены, был всегда готов пойти навстречу прежнему врагу.

Вскоре после церемонии в Миньяно, устранившей последнее препятствие к установлению хороших отношений, он написал Бернару, что тот может приехать на Сицилию, чтобы обсудить, помимо прочего, вопрос об основании монастырей в королевстве. Постоянное напряжение, слабое здоровье и истерический аскетизм превратили Бернара к пятидесяти годам в дряхлого старика, поэтому он отвечал с искренним сожалением, что не сможет сам

²⁸ Утверждение, содержащееся в одиннадцатом издании Британской энциклопедии – в более поздних изданиях эта статья перепечатана слово в слово, – что дукат получил название по имевшейся на нем надписи – «*Sit tibi, christe, datus, quem tu regis, iste ducatus*» – «Тебе, о Христос, который правит этим герцогством, дается сие» – безосновательно. На маленькой монете не было места для такой надписи даже в сокращенной форме. Единственная надпись на этих самых первых дукатах, обозначающая лиц, изображенных на портретах, являла собой сокращение «AN. R. X» – десятый год царствования. Это был еще один вызов папе, который, естественно, считал годы Сицилийского королевства от момента признания прав Рожера в Миньяно в 1139 г. Другая монета ценой в треть дуката была выпущена в «зекке» в Палермо. Исключительно удачный пример сицилийской просвещенности, она имела на аверсе латинскую надпись вокруг греческого креста, а на реверсе – арабскую, гласившую: «отчеканено в столице Сицилии (!) в 535 г.» – то есть в 535 г. Хиджры, мусульманского летосчисления, что соответствует 1140 г. от Рождества Христова.

²⁹ Тремя годами позже друг Бернара Петр Достопочтенный из Клони, остававшийся непримиримым врагом Анаклета, а соответственно и Рожера, в течение всех лет схизмы, адресовал «славному и великому королю Сицилии» еще более впечатляющее послание: «Сицилия, Калабрия и Апулия, области, которые до Вас были преданы в руки сарацин или служили прибежищем разбойников, ныне – по милости Бога, который помогает Вам в исполнении Вашей задачи, стали обителью мира и спокойствия, мирным и счастливейшим королевством, управляемым вторым Соломоном. Пусть земли несчастной нашей Тосканы и соседние провинции присоединятся к Вашей державе!» (Кн. IV, письмо 37).

принять приглашение Рожера, но тотчас пошлет в Палермо двух самых надежных из своих монахов, чтобы они вели переговоры от его имени. Монахи путешествовали в составе свиты, сопровождавшей Елизавету, дочь Теобальда, графа Шампаньского, ехавшую из Франции, чтобы стать женой герцога Рожера Апулийского, и прибыли на Сицилию в конце 1140 г. Результатом стало основание, спустя небольшое время, первого цистерцианского монастыря на юге – почти определенно это был монастырь Святого Николая из Филокастро в Калабрии.

Местоположение новой обители может служить еще одним свидетельством отношения Рожера к церкви в это время. Хотя цистерцианцы стремились строить свои монастыри в отдаленных и уединенных местах, святой Бернар безусловно предпочел бы основать аббатство на Сицилии, неподалеку от столицы, чтобы настоятель монастыря мог следить за действиями короля в отношении церкви, а возможно, и влиять на них. Рожер, по тем же соображениям, отказывался от подобных вариантов. Как ни искренни были его религиозные чувства, он интуитивно не доверял большим могущественным континентальным монастырям. Установив твердый контроль над латинской церковью на Сицилии, он не собирался терять завоеванные позиции. Характерно, что за все время своего правления он разрешил строительство только одного крупного латинского монастыря в Палермо – бенедиктинского аббатства Святого Иоанна в Эремити – и пригласил туда монахов не из Монте-Кассино или большого аббатства Ла-Кава под Салерно, а из маленькой, довольно захудалой общины аскетов в Монте-Верджине, около Авеллино. Поступив так, король многим жертвовал; казалось бы, ничего не стоило отдать монастырь Святого Иоанна, расположенный около королевского дворца и получивший щедрые пожалования, цистерцианцам или клунийцам, зато его немедленно провозгласили бы самым благочестивым и щедрым монархом христианского мира. Перед таким соблазном мало кто из Отвилей – и, уж конечно, не Роберт Гвискар – мог устоять. Но Рожер был более тонким политиком. Он слишком сильно пострадал от римской церкви и, в частности, от святого Бернара. На этот раз он не желал случайностей.

Ныне монастырь Святого Иоанна в Эремити представляет собой фактически пустую оболочку. Ничто не напоминает о том, что в самые блистательные годы нормандского королевства это был самый богатый и привилегированный монастырь на всей Сицилии. Датой его основания считается 1142 г., и в грамоте, выпущенной спустя шесть лет, Рожер объявил, что его настоятель является официально священником и духовником короля с саном епископа и должен лично служить мессу в праздники в дворцовой часовне. Он далее установил, что все члены королевской семьи, за исключением самих королей, и все высшие сановники должны быть похоронены на монастырском кладбище – которое и теперь можно видеть к югу от церкви³⁰.

Сама церковь, ныне не освященная, удивительно мала. Ее построили на месте бывшей мечети, часть которой сохранилась как продолжение южного трансепта. Но внутреннее убранство, несмотря на останки изразцов, мозаики, фресок – и даже сталактитового потолка мечети, – не представляет интереса для неспециалиста. Очарование церкви Святого Иоанна – в ее внешнем облике. Из всех нормандских церквей на Сицилии она наиболее характерна и наиболее поразительна. Пять ее выкрашенных киноварью куполов, каждый из которых расположен на цилиндрическом барабане, чтобы сделать их выше, выглядывают из окружающей зелени, как гигантские плоды граната, и словно бы объявляют во всеуслышание, что

³⁰ Это распоряжение в общем не исполнялось. Почти вся королевская семья похоронена в церкви Святой Марии Магдалины рядом со старым собором. Когда через сорок лет собор перестраивали, все могилы, включая могилы королей Эльвиры и Беатрисы и четырех сыновей Рожера – Рожера, Танкреда, Альфонсо и Генриха – перенесли в другую церковь, названную так же. Эта церковь до сих пор стоит во дворе карабинерских казарм в Сан-Джакомо. Однако от самих могил не осталось никаких следов (Аир. Династические королевские захоронения нормандского периода на Сицилии. Кембридж (Масс). 1959).

их возводили арабские мастера. Они не красивы, но отпечатываются в памяти и остаются там как живые, когда большинство шедевров забывается.

В нескольких ярдах к северо-западу располагается небольшая открытая галерея с изящной аркадой, поддерживаемой парами тонких колонн. Галерея построена на пятьдесят лет позднее церкви и в полном контрасте с ней. Сидя там жарким полднем, вглядываясь то в возвышенную строгость королевского дворца, то в агрессивную вычурность колокольни Святого Георгия в Кемонии, вы все же помните постоянно о восточных куполах-луковицах, полускрытых за пальмовыми деревьями, и понимаете, что ислам никогда не покидал Сицилию. И возможно, в архитектуре церкви и галереи некогда важнейшего христианского монастыря королевства это чувствуется острее всего.

Это противостояние мусульманского Востока и латинского Запада настолько поражает посетителя монастыря Святого Иоанна в Эремити, что он может забыть о третьем важнейшем культурном влиянии, которое сделало нормандскую Сицилию тем, чем она была. В Палермо нет сейчас ни одного здания, чей облик напоминал бы о Византии. Несмотря на большое количество видных греческих чиновников в курии и при том, что при дворе Рожера в последние годы его правления жили греческие ученые и мудрецы, в самой столице доля греческого населения всегда была невелика. Палермо был в целом арабским городом, мало затронутым византийским влиянием в сравнении с теми областями, где греки жили со времен античности, – такими, как Валь-Демоне в восточной Сицилии, или некоторыми уголками Калабрии, где до сих пор в отдаленных деревнях говорят на диалекте греческого.

И все же со времен завоевания Сицилии и до момента, о котором мы сейчас рассказываем, греки играли жизненно важную роль в формировании новой нации. Прежде всего, их присутствие способствовало поддержанию равновесия сил между христианами и мусульманами, от которого зависело будущее нормандской Сицилии. Отец Рожера, великий граф, поощрял переселение на остров людей латинского вероисповедания – и мирян и клириков, но следил за тем, чтобы оно происходило не очень интенсивно, дабы не испугать и не оттолкнуть от себя арабов и греков. Кроме того, массовая иммиграция с континента таила в себе определенную опасность. Если не держать ее под суровым контролем, толпы знатных нормандских баронов наводнили бы Сицилию, потребовали себе фьефы, соответствующие их титулу и положению, и ввергли остров в хаос, который они всегда с собой несли. Таким образом, не будь греков, горстка христиан-латинян просто затерялась бы в общей массе мусульманского населения. Но им также отводилась другая важная роль. Они создавали альтернативу притязаниям латинской церкви и тем самым давали Рожеру I и его сыну возможность торговаться с Римом, а то и шантажировать Святой престол. Слухи, распространившиеся в 1090-х, что великий граф подумывает о переходе в православие, едва ли имели под собой хоть какие-то основания; гораздо более правдоподобным кажется предположение, что Рожер II в период своей длительной ссоры с папой Иннокентием размышлял над тем, не отвергнуть ли ему папскую власть вообще ради некоего цезаропапизма по византийскому образцу. Во всяком случае, известно, что в 1143 г. Нил Доксопатриос, греческий архимандрит Палермо, посвятил Рожеру – с полного согласия короля – «Трактат о патриарших престолах», в котором доказывалось, что после перенесения столицы империи в 330 г. в Константинополь и признания на Халкедонском соборе в 451 г. его «Новым Римом» папа потерял право на главенство над церковью, которое теперь принадлежит византийскому патриарху.

Но к середине XII в. ситуация изменилась. Сицилия богатели, процветала, политическая обстановка становилась более стабильной. В противоположность Италии с ее непрерывными смутами, остров стал образцом страны, где под властью справедливого и просвещенного правителя царит мир и почитаются законы; а смешение народов и языков придает ей силу, а не оборачивается слабостью. По мере того как репутация Сицилии укреплялась,

все больше священнослужителей и государственных мужей, ученых, торговцев и бесстыжих авантюристов отправлялись из Англии, Франции и Италии в это, как казалось многим из них, истинное Эльдorado, Солнечное королевство. В результате греческая община утратила свое влияние. Это было неизбежно. Она практически не увеличивалась за счет переселенцев, и латинская община все больше превосходила ее по численности. В атмосфере религиозной терпимости от нее уже не требовалось исполнять роль буфера между латинским христианством и исламом. Наконец, Рожер установил твердый контроль над латинской церковью и больше не нуждался в альтернативе.

Но никакой дискриминации греков не замечалось. Учитывая, что Отвили всегда испытывали смешанные чувства по отношению к Византийской империи – восхищение ее институтами и искусством сочеталось с недоверием (в котором присутствовала немалая доля ревности), – для них было бы простительно рассматривать чужеродное меньшинство, чьи политические и религиозные симпатии казались откровенно сомнительными, как людей второго сорта. Но они никогда так не поступали. Рожер и его преемники поддерживали своих греческих подданных, когда они в этом нуждались, и заботились об их благоденствии и благополучии их церкви. В течение целого столетия на Сицилии были греческие адмиралы, и по крайней мере до окончания правления Рожера вся фискальная система оставалась в руках греков и арабов³¹. Акценты сместились вполне закономерно. Хотя и подчинявшиеся формально латинским церковным властям василианские монастыри продолжали в большом количестве возникать в течение пятидесяти лет. Особой известностью пользовался монастырь Святой Марии, около Россано в Калабрии³², основанный в период регентства Аделаиды в начале века, и дочерний ему монастырь Спасителя в Мессине, построенный на тридцать лет позже. Он вскоре стал главным греческим монастырем на Сицилии, но он же оказался последним. С тех пор королевские благодеяния изливались на новые латинские обители – монастырь Святого Иоанна в Эремити, а позже – Маниаче и Монреале.

К счастью, оставалась такая возможность, как личное покровительство, и кажется очень правильным, что самая прекрасная греческая церковь на всей Сицилии, единственная способная до сих пор соперничать в красоте с дворцовой часовней и собором в Чефалу, была выстроена и одарена самым блистательным из всех греков, вписавших свои имена в историю королевства.

Хотя изначальное и правильное имя этой церкви Святая Мария Адмиральская³³ остается вечным памятником ее основателю, Георгий Антиохийский не нуждался в таких мемориалах, чтобы обеспечить себе место в истории. Мы уже рассказывали об одаренном юном левантинце, который, прослужив какое-то время у султанов из династии Зиридов в Махдии, бежал на Сицилию и в 1123 г. использовал свои великолепные познания в арабском и доскональное знакомство с тунисским побережьем, чтобы обеспечить единственную победу в первой злополучной африканской экспедиции Рожера. С тех пор он, как командующий сицилийским флотом, служил своему королю верой и правдой, на море и на суше, сделавшись в 1132 г. первым обладателем самого гордого титула, который могла ему дать его приемная родина, – эмир эмиров, верховный адмирал и первый министр королевства. Строительство

³¹ Как отмечает мисс Эвелин Джеммиссон («Адмирал Евгений Сицилийский», с. 40), «ни один человек латинской культуры до этого времени не занимал должности – высокой или скромной – в казначействе».

³² Посетители Россано обычно довольствуются тем, что осматривают византийскую церковь Святого Марка и дворец архиепископа, по праву знаменитый тем, что в нем хранится пурпурный кодекс VI в. Но я бы посоветовал им совершить небольшую прогулку в монастырь Святой Марии, лежавший выше в холмах по дороге на Корильяно. Монастырские здания разрушены, но сама церковь цела, и хотя бы ради ее великолепного мозаичного пола стоит сюда приехать.

³³ Возможно, стоит напомнить в этой второй книге то, что сказано в первой, а именно что слово «адмирал», вошедшее с небольшими вариациями во многие европейские языки, пришло из нормандской Сицилии и происходит от арабского слова «эмир», а в частности, от выражения «эмираль-бахр», «повелитель моря».

церкви отнюдь не было тихой радостью его преклонных лет, а тем более – утешением после ухода в отставку. В 1143 г., когда она была основана, ему, по-видимому, было пятьдесят с небольшим; спустя несколько недель он отправился со своим флотом в новую североафриканскую экспедицию, на сей раз более успешную; а до своей смерти ему еще предстояло водрузить сицилийский флаг на берегах Босфора и вернуться в Палермо со всеми секретами – и многими ведущими мастерами – византийского шелкового производства.

Однако при том, что великий адмирал и без того обеспечил себе бессмертие, все же кажется немного несправедливым, что сокращенное и более известное название его церкви увековечивает не его память, а некоего Жоффрея де Марторану, основавшего в 1146 г. поблизости бенедиктинский женский монастырь, к которому спустя примерно три века церковь Георгия была присоединена. К сожалению, изменения не ограничились именем. По внешнему облику Мартораны – таким образом, несмотря на высказанные возражения, нам придется ее называть – невозможно догадаться о ее происхождении. Некогда ее внешний облик также поражал. В Рождество 1184 г. ее посетил арабский путешественник Ибн Джубаир, возвращавшийся из паломничества в Мекку. Он писал: «Мы видели самое замечательное строение, которое нам не под силу описать, и потому мы вынуждены молчать, ибо это самое красивое здание в мире... У него есть колокольня, поддерживаемая колоннами из мрамора и увенчанная куполом, покоящимся на других колоннах. Это одна из самых чудесных построек, виденных нами когда-либо. Пусть Аллах по милосердию и доброте почтит это здание призывами муэдзина».

Глядя сейчас на Марторану, можно пожалеть, чтобы мольбы Ибн Джубаира не были исполнены. Его единоверцы едва ли общались с ней хуже, чем христиане. Само здание он бы не узнал; в отличие от соседней церкви Сан КATALDO, чьи три тяжелых купола безошибочно, хотя излишние навязчиво, выдают в ней нормандскую постройку середины XII в., эта подлинная жемчужина среди сицилийских церквей одета мрачным барочным декором. Только романская колокольня, купол которой провалился во время землетрясения в 1726 г., привлекает взоры путешественников своими совершенными пропорциями и заставляет их войти внутрь.

Внутри тоже все не так, как было. В конце XVI в. церковь перестроили и расширили, чтобы она могла вмещать всех монахинь, а в течение XVII в. эти прискорбные деяния продолжались. Западную стену снесли, прежние атриум и притвор включили в основное пространство церкви. Еще труднее смириться с тем, что в 1683 г. была разрушена главная апсида со всеми ее мозаиками и на ее месте возвели маленькую, украшенную фресками часовенку, уродство которой, несмотря на все старания реставраторов XIX в., невозможно скрыть.

Такова нынешняя Марторана. Восточная ее оконечность разрушена, западные помещения никогда не удастся восстановить в первоизданном виде. Чудесным образом, однако, в центральной части старинная церковь Георгия все еще выглядит так же, как в момент ее освящения или в тот день, сорок лет спустя, когда она произвела такое впечатление на Ибн Джубаира.

«Стены внутри позолочены – или, скорее, сделаны из одного большого куска золота. Плиты из цветного мрамора, подобных которым мы никогда не видели, покрыты золотой мозаикой и увенчаны зелеными мозаичными ветвями. Большие солнца из золоченого стекла, расположенные в ряд наверху, сверкают огнем, который ослепил наши глаза и породил в нас такое смятение духа, что мы молили Аллаха сохранить нас. Мы узнали, что основатель, который дал свое имя этой церкви, пожертвовал много квинталов золота на ее строительство и что он был визирем у деда нынешнего короля-многобожца»³⁴.

³⁴ Ибн Джубаир писал в царствование внука Рожера Вильгельма Доброго. Для убежденного мусульманина христиане являлись многобожцами. Кем еще они могли быть, веря в Троицу?

Как большая часть мозаик в Чефалу и лучшие работы в дворцовой часовне, мозаики в Марторане созданы артелью великолепных художников и ремесленников, приглашенных Рожером II из Константинополя и трудившихся на Сицилии в период между 1140-м и 1155 гг. В отличие от декора других церквей в убранство этой части Мартораны не вносили никаких позднейших дополнений. Мозаики трех знаменитейших сицилийских храмов близки по стилю, но сохраняют определенное своеобразие. Доктор Отто Демус, наиболее уважаемый из ныне живущих специалистов по мозаикам нормандской Сицилии, пишет так:

«Перед мастерами, работавшими в Чефалу, стояла задача украсить высокую главную апсиду большого собора, и они добились спокойного величия, которое требовалось; художники, которые должны были украшать дворцовую часовню, выразили себя в изысканном и праздничном убранстве, исполненном королевского блеска, но лишенном отчасти классической красоты и простоты, характерных для мозаик Чефалу. А умельцы, украшавшие церковь, построенную адмиралом, приспосабливались к уютной, домашней атмосфере маленькой церкви, упрощая свои образцы, и достигли самого совершенного очарования, какое только можно обнаружить среди сохранившихся образцов средневекового декора на итальянской земле. Их достижения вовсе не умаляют того факта, что они иногда следовали примеру своих сотоварищей, трудившихся в двух королевских церквях. Они создали как бы квинтэссенцию всего нежного, чарующего и уютного в великом искусстве комнинианских мозаик».

Только мозаика купола вызывает легкое разочарование. Изображенный в полный рост сидящий на троне Вседержитель уступает в величии изображению в дворцовой часовне, не говоря о Чефалу; а тела четырех архангелов под ним, изображенных в позах, которые, как уверяет доктор Демус, «не имеют параллелей в византийском и вообще в средневековом искусстве, столь фантастически искажены, что граничат с карикатурой. Но теперь бросьте свой взгляд на стены. Посмотрите на восток, на Благовещение с Гавриилом в вихре движения и Марией, держащей веретено, когда Священный голубь подлетает к ней. Взгляните на запад, на Введение во Храм, на простертые руки младенца Спасителя с одной стороны и руки святого Симеона – с другой, обрамляющие вход в неф подобно арке, на которой они расположены. На ее своде Христос рождается, а напротив умирает Дева – Ее душу, как другого спеленатого младенца, благоговейно несет Ее Сын. Потом устройтесь где-нибудь в углу и посмотрите на все сразу, пока темное мерцание золота озаряет душу, словно нежный и благородный огонь».

Узкий деревянный фриз, тянувшийся вдоль основания купола под ногами странных архангелов, едва различим среди всего этого золота. Когда в результате реставрационных работ, проведенных в конце XIX в., свет вновь проник в купол, после веков забвения обнаружили следы нанесенной на фриз надписи – старинного византийского гимна в честь Богородицы. Поскольку Марторана – греческая церковь, ничего удивительного в этом не было бы, если бы надпись не была выполнена на арабском. Почему ее перевели, мы не узнаем никогда. Возможно, деревянный фриз сделали арабы-христиане – арабы всегда считались лучшими плотниками, могли таким образом внести свой вклад в строительство церкви. Но имеется другое, более интересное объяснение – что этот гимн был особенно любим Георгием Антиохийским и что он больше всего нравился ему на языке, на котором он впервые услышал его в детстве – полвека назад, в Сирии.

А теперь, покинув древнюю часть церкви и пройдя сквозь строй жеманно улыбающихся херувимов и слащавых Мадонн, которые поистине знаменуют собой самые темные годы европейского религиозного искусства, остановитесь на минуту у западной стены в северной оконечности нефа, около входа. В этом месте, где располагался, вероятно, притвор церкви Георгия, вы увидите тускло сверкающий в полутьме портрет ее основателя. Это мозаика-посвящение: на ней адмирал, выглядящий старше своих лет и явно восточной внешности, простерся ниц перед Богородицей. Изображение простертого тела было, к сожалению,

некогда повреждено и после неумелой реставрации больше всего напоминает черепаху, но голова сохранилась в первозданном виде – предположительно, портрет делался с натуры – и фигура Богородицы дошла до нас практически невредимой. Правой рукой Богородица делает жест, приглашая человека подняться, а в левой Она держит свиток, на котором написано по-гречески: «Дитя, Святое Слово, да сохранишь Ты от бедствий Георгия первого среди архонов, который воздвиг этот мой дом с самого основания; и даруй ему отпущение грехов, что только Ты, о Боже, властен свершить».

На противоположной стороне нефа, на южной стене – последнее и, может быть, величайшее сокровище Мартораны – мозаичный портрет самого короля Рожера, символически коронуемого Христом. Он стоит там, чуть нагнувшись вперед, изображенный в византийской манере, в длинном далматике; на его короне подвески с драгоценными камнями по константинопольскому образцу; даже руки сложены в молитве по греческому обычаю. Над его головой большие черные буквы на золотом фоне складываются в надпись, сделанную греческими буквами, – «Rogerios Rex», «Король Рожер». Употребление в греческой надписи латинского титула на самом деле вполне объяснимо; ко временам Рожера греческое слово для обозначения властителя – «василевс» – настолько прочно связывалось с византийским императором, что использование в ином контексте казалось неуместным. И все же сам факт подобной транслитерации весьма показателен и – особенно после того, как замечаешь арабскую надпись на соседней колонне, – кажется воплощением духа нормандской Сицилии.

Портрет Рожера также выполнен с натуры; на самом деле, поскольку портреты на монетах и печатях слишком малы, чтобы дать нам достаточно деталей, – так или иначе слишком символичны, – это единственное сохранившееся изображение короля Рожера, которое мы можем без опаски считать аутентичным³⁵. Помимо портретов у нас есть только свидетельство архиепископа Ромуальда из Салерно, отличавшегося особой способностью давать расплывчатые, ничего не говорящие описания. Он пишет только, что Рожер был высоким, статным, с «львиным лицом» – что бы это ни значило – и голос его был *subrauca*, грубый, может быть, или хриплый, или вообще неприятный. Мозаика сообщает нам гораздо больше. Мы видим темноволосого, смуглого человека средних лет, с пышной бородой и длинными густыми волосами, струящимися по плечам. Черты лица греческие или итальянские, есть в них даже нечто семитское. Все это мало напоминает традиционный образ нормандского рыцаря.

Опасно судить о характере человека по портрету, особенно когда модель вам знакома, а портретист неизвестен. Но искушение слишком велико. И даже в иератической стилизованной мозаике Мартораны имеются вдохновенные штрихи, некоторые мельчайшие детали, которые являют нам короля Рожера, каким он был в жизни. Перед нами, без сомнения, южанин и восточный человек, правитель, наделенный острым умом и необыкновенной изворотливостью, чьим основным занятием являлось манипулирование враждующими группировками; государственный деятель, которому дипломатия, хотя бы основанная на притворстве, казалась более подходящим оружием, чем меч, а золото, пусть использованное для подкупа, – более действенным средством, нежели кровь. Это был покровитель наук и любитель искусств, который мог остановиться во время суровой военной кампании, чтобы полюбоваться красотой Алифе, крепости своего основного врага. И наконец, это был мыслитель,

³⁵ Еще один портрет, дошедший до нас со времен Рожера, – если не считать фигуру на пасхальном канделябре в дворцовой часовне – помещен на эмалевой плашке в церкви Святого Николая в Бари. На плашке изображена коронация Рожера святым Николаем, и, возможно, на этом основании церковь одно время претендовала на то, что Рожера короновали в Бари, а не в Палермо. (Его знаменитая корона, огромный обруч из железа и меди, более подходящий для бочки, чем для человеческой головы, также с гордостью запечатлена на рисунке.) Здесь не место обсуждать происхождение плашки, но на эту тему есть интересная работа Берто, указанная в библиографии. Портрет мог быть сделан с натуры, но скорее всего, является копией другого изображения, ныне утраченного. В целом он напоминает мозаику Мартораны.

своим умом постигавший науку управления и правивший головой, а не сердцем, идеалист, утративший иллюзии, деспот, по природе справедливый и милосердный, который понял с горечью, что даже от милосердия иногда приходится отказываться в интересах справедливости.

Арианские ассизы закрепили мир. Период до 1140 г. был временем бурь, когда грозные тучи нависали над континентом и на Сицилию, при всем ее благоденствии, падала их тень. Но потом небеса прояснились. Только последние четырнадцать лет царствования Рожера солнце по-настоящему засияло над его королевством.

И королевство на это отозвалось. Мы видели, как внезапно расцвело искусство нормандской Сицилии, словно субтропическая орхидея, долго прораставшая, внезапно пошла в рост. Нечто похожее произошло и с королевским двором в Палермо. Рожер унаследовал от отца систему администрации, построенную с использованием нормандских, греческих, латинских и арабских образов и отличавшуюся в лучшую сторону от административных систем других западноевропейских стран. Умирая, он оставил своим преемникам государственную машину, которая вызвала изумление и зависть во всей Европе. В подчинении эмира эмиров и курии имелись две земельные канцелярии, именовавшиеся «диванами» по примеру их прототипов из времен Фатимидов³⁶. Они состояли почти исключительно из сарацин и следили за сбором торговых пошлин и феодальных податей на Сицилии и на континенте. Образцом для другого подразделения финансовой администрации – «камеры» – послужил старинный римский *fiscus*, и там главенствовали греки; третье подразделение в целом соответствовало англо-нормандскому казначейству. Управление провинциями находилось в руках канцлеров королевства – камерариев; им подчинялись местные властители – латинские бейлифы, греческие катапаны или сарацинские амилы – в зависимости от того, какая народность и какой язык преобладали в данной местности. В целях борьбы с коррупцией и казнокрадством даже самые низшие чиновники имели право обращаться в курию или даже к самому королю. Разъездные юстициарии, судьи, в чьи обязанности входило постоянно объезжать вверенные им области, разбирали уголовные дела в присутствии различного числа *boni homines* – «добрых, честных людей», христиан и мусульман, сидевших рядом на собраниях этого истинного прообраза современного суда. Юстициарии также имели право при необходимости обращаться к королю.

Король: всегда, везде подданные ощущали его присутствие, его власть; парадоксальным образом он был общедоступен и бесконечно отдален от всех. Он являлся полунебесным существом, но ни одно злоупотребление, ни одна несправедливость не могла считаться недостойной его внимания, если с ними не справлялись те, кто действовал от его имени. При том что повсюду имелись его представители, при отлаженной и эффективной системе администрации король не позволял никому заменить его в повседневных делах правления, а тем более развеять окружавший его мистический ореол, ауру божественного величия, от которого, как он знал, зависела сплоченность его королевства. Не зря его изобразили в Марторане коронуемым самим Христом.

Эмиры, сенешали, архонты, логофеты, протонотарии, протобилиссимы – сами титулы высших сановников, казалось, добавляли величия королевскому двору. Но их одних, в каком бы обличье они ни представляли, было недостаточно, чтобы сделать договор Рожера в Палермо самым блестящим в Европе XII в. Сам Рожер славился ненасытной тягой к новым сведениям и любовью к знаниям. Во время своего официального вступления в Неаполь в 1140 г. Рожер изумил неаполитанцев, сообщив им точную длину их земляных стен – 2,363 шага, которая (что неудивительно) никому из них не была известна. За этой любознатель-

³⁶ От их названия происходит итальянское слово «догана», французское «дуан», «таможня».

ностью следовало глубокое уважение к учености, уникальное среди его собратьев государей³⁷. К 1140-м гг. он пригласил в Палермо многих известных ученых, врачей, философов, географов и математиков из Европы и арабского мира и с течением лет проводил все больше времени в их обществе. Не имея собственной семьи – а он много лет был вдовцом, – только с ними он мог отбросить часть церемоний, подчеркивавших его королевское достоинство; говорят, что, когда ученый входил к королю, Рожер поднимался и шел ему навстречу, затем брал под руку и усаживал рядом с собой. И во время ученых бесед, велись ли они на французском, на латыни, греческом или арабском, он, по-видимому, вполне мог высказывать и отстаивать собственное мнение. «Его познания в математике и в политической сфере были неизмеримо широки. Беспредельны были его познания и в прочих науках, столь глубоко и мудро он изучил их во всех подробностях. Ему принадлежат необычайные открытия и чудесные изобретения, подобных которым до того не совершал ни один государь».

Эти слова написаны Абу Абдуллой Мухаммедом аль-Идриси, близким другом Рожера и самым почитаемым из всех придворных ученых. Идриси приехал в Палермо в 1139 г. и провел там большую часть своей жизни; в течение пятнадцати лет он возглавлял комиссию, созданную по приказу короля, для того чтобы собрать все возможные географические сведения, сопоставить их, объединить, изложить в подобающей форме, создать труд, вмещающий в себя все доступное знание о физическом мире. Сицилия, расположенная на стыке трех континентов, порты которой по количеству и разнообразию прибывающих в них судов не имели соперников в Европе, являлась идеальным местом для работы такого рода, и в продолжение пятнадцати лет, когда корабль приставал в Палермо, Мессине, Катании или Сиракузах, специальные люди расспрашивали всех находившихся на борту о землях, в которых они побывали, климате и населении. Эти люди являлись, скорее всего, официальными представителями комиссии, но путешественника, обладающего особенно ценными сведениями, могли препроводить в королевский дворец для подробной беседы с Идриси или, иногда, с самим Рожером.

В результате этой работы, завершившейся в 1154 г., примерно за месяц до смерти короля, появились на свет две вещи. Первая представляла собой огромную планисферу из чистейшего серебра, весившую не меньше четырехсот пятидесяти римских фунтов, на которой было выгравировано «взаимное расположение семи климатов, а также областей, стран и морских побережий, ближних и дальних, заливов, морей и потоков; местонахождение пустынь и обработанных земель и расстояния до них по обычным маршрутам в различных мерах длины, с указанием портов». Многие дорого бы дали за то, чтобы этот замечательный артефакт сохранился; увы, ему суждено было погибнуть через несколько лет после создания в смутах следующего царствования.

³⁷ Генрих I Английский был, по общему признанию, хорошо образован для своего времени – благодаря чему он получил прозвище Боклерк (Прекраснопишущий). Но Генрих не пытался собирать при своем дворе просвещенных людей, как это делал Рожер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.